

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ISSN 2949-3714

**Записки Забайкальского отделения
Российского исторического общества**

**Notes of the Transbaikal Branch
of the Russian Historical Society**

**2023
№ 1(4)**

**Записки
Забайкальского отделения
Российского исторического общества**

**Notes
of the Transbaikal Branch
of the Russian Historical Society**

2023
№ 1(4)

**Записки
Забайкальского отделения
Российского исторического общества
№ 1(4), 2023**

Издатель: Федеральное бюджетное государственное учреждение высшего образования «Забайкальский государственный университет»

Издаётся с декабря 2021 г.

Язык издания: русский, английский.

Периодичность: 2 раза в год

Политика журнала – информировать научное сообщество об исследованиях по отечественной истории, истории Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья. Публиковать результаты оригинальных работ, знакомить общество с новыми тенденциями исторической науки.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение материалов статей. Высказанная в статьях позиция может не отражать точку зрения редакции.

Правила для авторов опубликованы в конце издания.

Публикация в журнале бесплатная.

Адрес редакции:
672039 Россия, г. Чита,
ул. Александрo-Заводская, д. 30
Забайкальский
государственный университет

Главный редактор

Дроботушенко Е. В., кандидат исторических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Редакционная коллегия

Антропов Р. В., кандидат юридических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Волочаева А. В., кандидат исторических наук (г. Чита, Россия)

Камнева Г. П., кандидат исторических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Карасев С. В., доктор исторических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

Кузнецов В. В., кандидат исторических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Ланцова Ю. Н., кандидат исторических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Пряженникова М. В., кандидат исторических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Сотников С. А., кандидат исторических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Сотников А. А., кандидат исторических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Цацралт Батсуур, доктор философии (г. Улан-Батор, Монголия)

Чапыгин И. В., кандидат исторических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

Шаронова В. Г., кандидат исторических наук (г. Москва, Россия)

Яремчук О. А., кандидат исторических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Редактор И. Ю. Засухина
Вёрстка Н. Ю. Добрецькой

Подписано в печать 23.06.2023.

Дата выхода в свет 26.06.2023.

Формат 60×84/8. Бумага ксерографическая. Способ печати цифровой.
Усл. печ. л. 7,5. Уч.-изд. л. 5,4. Заказ № 23040. Тираж 500 экз. (1-й з-д 1–37 экз.).

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

**Notes
of the Transbaikal Branch
of the Russian Historical Society
No. 1(4), 2023**

Publisher: Federal Budgetary State Institution of Higher Education "Transbaikal State University"

Published since December 2021.

Language of publication: Russian, English.

Frequency: 2 times a year.

The journal's policy – is to inform the scientific community about research on Russian history, the history of Siberia, the Far East and Transbaikalia. To publish the results of original works, to acquaint society with new trends in historical science.

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the materials of the articles. The position expressed in the articles may not reflect the editorial board's point of view.

The rules for authors are published at the end of the publication.

Publication in the journal is free of charge.

Adeditorial address:
672039 Russia, Chita,
Alexandro-Zavodskaya Str. 30,
Transbaikal State University

Editor-in-Chief
Drobotushenko E. V., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)*

Editorial Board

Antropov R. V., *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Russia, Chita)*

Volochaeva A. V., *Candidate of Historical Sciences (Russia, Chita)*

Kamneva G. P., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia)*

Karasev S. V., *Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Irkutsk, Russia)*

Kuznetsov V. V., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)*

Lantsova Yu. N., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)*

Pryazhennikova M. V., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)*

Sotnikov S. A., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia)*

Sotnikov A. A., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia)*

Tsatsralt Batsuur., *PhD (Ulaanbaatar, Mongolia)*

Chapygin I. V., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Irkutsk, Russia)*

Sharonova V. G., *Candidate of Historical Sciences, (Moscow, Russia)*

Yaremchuk O. A., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)*

Editor I. YU. Zasukhina
Layout by N. Yu. Dobretskaya

Signed for printing on 23.06.2023.

Release date 26.06.2023.

Format 60×84/8. Xerographic paper. Digital printing method.

CONV. print I. 7,5. Uch.-ed. I. 5,4. Order no. 23040. Circulation 500 copies. (1st plant 1–37 copies).

Printed at FSBEI HE "Transbaikal State University"
672039, Chita, st. Alexandro-Zavodskaya, 30

Содержание

<i>Мясников А. В., Мясникова Г. В.</i> Иностранцы специалисты на Нерчинских заводах в XVIII веке	6
<i>Косых В. И.</i> Нерчинское духовное училище: первые годы работы	12
<i>Кузнецов В. В.</i> История образования в Японии до реформ периода Мэйдзи	18
<i>Волочаева А. В.</i> Н. Г. Чернышевский и Забайкалье (к 195-летию со дня рождения)	21
<i>Кузьмин Ю. В.</i> Военное монголоведение в России в начале XX века: вопросы историографии	25
<i>Таскин Д. А.</i> К вопросу о первых столкновениях «каппелевцев» с партизанами в Восточном Забайкалье весной 1920 года	30
<i>Баринев А. О.</i> Алексей Кириллович Кузнецов и Государственная политическая охрана (ГПО) Дальневосточной республики (ДВР) (1920–1922)	35
<i>Дроботушенко Е. В.</i> Правовые основы существования бывшей русской концессии в Ханькоу по Уставу общественного управления 1924 года	40
<i>Ланцова Ю. Н.</i> К вопросу оплаты труда служащих и рабочих Китайско-Восточной железной дороги в 1920-е годы	44
<i>Сазонова В. А.</i> Социальные проблемы китайских рабочих на золотодобывающих приисках Забайкалья в 1920-х годах	50
<i>Сунь Ичжи</i> Шанхайский русский полк и Одинокий батальон: инцидент 11 августа 1938 года	53

Contents

<i>Myasnikov A. V., Myasnikova G. V.</i> Foreign Specialists at the Nerchinsk Plants in the XVIII Century	6
<i>Kosikh V. I.</i> Nerchinsk Theological School: the First Years of Work	12
<i>Kuznetsov V. V.</i> The History of Japans Education before the Meiji Reforms Period	18
<i>Volochaeva A. V.</i> N. G. Chernyshevsky and Transbaikalia (to the 195th Anniversary of his Birth)	21
<i>Kuzmin Y. V.</i> Military Mongol Studies in Russia: Questions of Historiography	25
<i>Taskin D. A.</i> On the Question of the First Clashes of the “Kappelevtsy” with the Partisans in Eastern Transbaikalia in the Spring of 1920	30
<i>Barinov A. O.</i> Alexey Kirillovich Kuznetsov and the State Political Protection (SPO) of the Far Eastern Republic (FER) (1920–1922)	35
<i>Drobotushenko E. V.</i> Legal Basis of the Existence of the Former Russian Concession in Hankou Under the Charter of Public Administration 1924	40
<i>Lantsova Y. N.</i> On the Issue of Wages of Employees and Workers Chinese Eastern Railway in the 1920s	44
<i>Sazonova V. A.</i> Social Problems of Chinese Workers at the Gold Mines of Transbaikalia in the 1920s	50
<i>Sun Yizhi</i> Shanghai Russian Regiment and Lost Battalion: the August 11th Incident	53

УДК 908(571.55)

Иностранные специалисты на Нерчинских заводах в XVIII веке

Алексей Владимирович Мясников¹, Галина Васильевна Мясникова²

¹Издательство «Вокруг света», г. Москва, Россия

²Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

¹avmyasnikov@mail.ru, ²chita131957@yandex.ru

В статье на основе архивных материалов и литературных источников показана роль иностранных специалистов в становлении и развитии Нерчинских горных заводов в XVIII в. Особое внимание уделено вкладу греческих, саксонских мастеров, условиям их труда, привнесённым ими новациям. Описаны малоизвестные страницы жизни грека Левандиана, шведа Петра Дамеса, саксонцев Пауля Вейгольта, Иоганна Иона.

Ключевые слова: Нерчинские заводы, иностранные специалисты, Дамес, Ион, Барбот де Марни, контракты

Foreign Specialists at the Nerchinsk Plants in the XVIII Century

Alexey V. Myasnikov¹, Galina V. Myasnikova²

¹Publishing House “Vokrug sveta”, Moscow, Russia

²Transbaikal State University, Chita, Russia

¹avmyasnikov@mail.ru, ²chita131957@yandex.ru

The article shows the role of foreign specialists in the formation and development of the Nerchinsk mining plants in the XVIII century based on archival materials and literary sources. Special attention is paid to the contribution of Greek and Saxon masters, their working conditions, and innovations introduced by them. The little-known pages of life of the Greek Levandian, the Swede Peter Dames, the Saxons Paul Weigolt, Johann Ion are described in the article.

Keywords: Nerchinsk Plants, Foreign Specialists, Dames, Ion, Barbot de Marni, Contracts

В XVIII–XIX вв. большую часть современного Забайкальского края занимала императорская вотчина – Нерчинский горный округ. На его предприятиях – Нерчинских заводах и рудниках трудились не только русские рабочие и специалисты, но и выходцы из разных европейских стран: греки, шведы, французы, поляки, немцы... Некоторые из этих иностранцев обрели здесь вторую родину, верно служили России, изучали Даурию, внесли свою лепту в развитие горного дела.

Как известно, нерчинские руды открыты и разведаны русскими рудознателями в 70–90-х гг. XVIII в. В 1689 г. был заложен Аргунский (позднее переименованный в Нерчинский) сереброплавильный завод. Он работал в основном в летнее время, зиму простаивал, а порой и вовсе останавливался. Чтобы наладить регулярную выплавку серебра, правительство в 1700 г. отправило за Байкал греческого мастера, кабального человека имеретинского царя Арчила, Александра Левандиана с двумя греческими помощниками Константином Яковлевым и Спиридоном Мануйловым. Согласно

контракту, греки с каждого пуда выплавленного серебра получали сумму, составлявшую 20 % от его стоимости. Помимо того они обязывались учить местных работников своему ремеслу.

Поначалу команда Левандиана справлялась неплохо со своими обязанностями. Греки построили в грунте сереброразделительные печи – галиды. Левандиан нанял работников и следил за добычей руд. Но усилия, потраченные на получение драгоценного металла, не окупались. Левандиан неоднократно жаловался на недостаток денег, пропитания, брал в долг продукты и деньги. Нерчинский воевода Петр Саввич Мусин-Пушкин, видя его нищету, выдал ему из «государевой казны» под расписку 100 р.

Очевидно, тяжёлое материальное положение вынудило Левандиана встать на преступный путь. Он занялся контрабандной торговлей пушниной и серебром, воровал казённый благородный металл. Все незаконные операции проводил в Китае. Петр Саввич Мусин-Пушкин, узнав о махинациях грека, поставил его перед

выбором: суд, наказание, или продолжение работ по организации производства. Левандиан выбрал второе и пообещал выучить русских подмастерьев и продолжить строительство завода и разведку руд. В 1704 г. он вместе с Музиным-Пушкиным на речке Серебрянке фактически заново отстроил завод и небольшое поселение при нём. Осенью того же года рабочие под его руководством выплавляли 1 фунт 24 золотника серебра. На следующий год было выплавлено 1 пуд 22 фунта и 36 золотников благородного металла. Так началась регулярная выплавка серебра в России.

Главной же заслугой Левандиана стоит признать обучение русских рабочих греческой технологии плавильного дела. Его ученики свидетельствовали, что он «руды промышлять научил и плавить из руд сырой свинец, и из сырого свинца серебро и свинец и плавить и серебро начисто вычищать, и горны делать, и снасти всякие» [1, л. 146].

В 1706 г. Левандиан и Мануйлов уехали из Нерчинского края. В 1710 г. Петр I отблагодарил Левандиана, позволив ему торговать в России заповедными товарами на сумму 200 р.

В 1707 г. на Аргунский сереброплавильный завод прибыла новая партия греческих мастеров, возглавляемая Вениамином Левандианом. В ней состояли Семен Григорьев, он же Семен Грек, и его сын Семен, согласившиеся подписать контракт на пять лет. Семен Грек проявил себя как талантливый рудоискатель и хороший плавильщик. За свою работу он получал фиксированную плату – 200 р. в год, а также провиант. Правда, обещанные по контракту деньги ему и другим грекам приходилось ждать по долгу. В 1712 г. срок службы Семена Грека подходил к концу, но он, несмотря на все перенесенные тяготы и лишения, решил остаться в суровом Нерчинском крае.

Немногие греки, оставшиеся в Забайкалье, продолжали разведывать руды, участвовали в дальнейшем обустройстве завода. Благодаря им Нерчинский завод долгое время использовал греческую технологию выплавки серебра, а у местных плавильщиков в ходу была греческая терминология.

Кроме греков, заметное влияние на развитие Нерчинских заводов оказал один швед, которого русские называли Петром Степановичем Дамесом. Он был пленён под Полтавой и отправлен в Сибирь. В 1714 г. начал службу при Нерчинском заводе, осматривал медные рудники, изучал старинные горные выработки и ведал плавильным делом. В Нерчинском Заводе во многом его стараниями появилась первая химическая лаборатория, в которой

проводились опыты по выделению золота из серебра. По его же предложению в Нерчинском Заводе начали строить православный храм.

В 1722 г. Дамес изучал агинские медные прииски, пытаясь выяснить, возможно ли на реке Аге построить медеплавильный завод. Прибыв на место, он с 10 рабочими расчистил старую русскую и так называемую «богдойскую» горные выработки и установил, что рудная жила лежит «вдоль по горе от запада на восток». Рядом со старыми работами рудознаты били дополнительные шурфы, но нигде, «опричь вышеозначенных двух ям», не смогли подсесть рудную жилу. Дамес заключил, что «та рудная жила гораздо мала, и руда, которая по ней находится, не чиста», а значит и «нельзя его императорскому величеству от той медной руды прибыли быть и завод завести ни по какому образу невозможно».

Дамес порою противопоставлял себя комиссару завода Т. С. Бурцеву, умел убедить руководство в своей незаменимости. В частности, в 1724 г. он доказал Берг-коллегии, что служил в Швеции прапорщиком и потребовал повышения. Довольно быстро Берг-коллегия вынесла постановление: «того ради вышеписанному Дамесу быть на Нерчинских заводах гитенфервалтером, которой чин против лейтенанта сухопутного состоит» [7, л. 90 об.].

Дамесу было приказано ведать всем, что касается плавильного дела, разработать план строительства машин для завода, а заодно иметь «старание, чтоб руды копаны были как зиму, так и лето денно и ночью по горному обыновению» [Там же].

Дамес стремился сделать Нерчинский завод вододействующим и настоял на постройке на речке Серебрянке довольно внушительной плотины. Её строительство завершилось в 1727 г, однако сооружение так и не было использовано по назначению. Ещё одним большим проектом шведа стало возведение плотины для нового завода на реке Ишаге. Однако внезапно ушедшая под землю вода поставила крест на Ишагинском заводе. Плотина, построенная Дамесом, сохранилась до сих пор.

Идею Дамеса о переводе заводов на водяной привод получилось реализовать только в 1776 г. Таким образом, он опережал свое время. Более того, его начинания обернулись сокращением количества выплавляемого серебра.

В 1737 г. Дамес должен был предстать перед судом, но внезапно скончался, оставив после себя заимку на Аргуни, на месте которой сейчас находится село Дамасово.

И всё-таки особенно заметную роль в истории Нерчинских заводов сыграли немецкие специалисты. Дело в том, что в XVIII в. горное дело в германских землях, особенно Саксонии, было одним из самых передовых в Европе. Поэтому Петр I с удовольствием приглашал на службу немецких рудознатцев.

Примечательно, что один из сподвижников Петра Вилим Иванович де Геннин (Георг Вильгельм де Геннин), немец по происхождению (по некоторым данным – голландец), был знатоком горного дела и металлургии. Он командовал всеми сибирскими заводами, построил Екатеринбург, составил «Описание Уральских и Сибирских заводов», где немало внимания уделил Нерчинскому сереброплавильному заводу. Придя в 1722 г. в Главное правление Сибирских заводов, Геннин внедрил в горное дело России немецкую производственную терминологию. С тех пор все горные чины и специальности стали называться на немецкий манер.

В 1723 г. Берг-коллегия пригласила для работы в Нерчинском Заводе двух саксонцев – плавильщика Иоганна Иоста Вормана и кунст-штейгера Илиаса Христиана Шиля. Ворману было назначено жалованье 165 р. в год, а Шилю 104 р. В то же время русские штейгеры и плавильщики получали почти в десять раз меньше [10, с. 41]. В 1724 г. саксонцы прибыли в Нерчинский Завод и стали работать под началом Петра Дамеса.

В 1729 г. они заявили, что нерчинские руды истощены, надежды к увеличению добычи серебра иссякли, и, следовательно, им нет смысла служить на заводах, да и срок контракта подходит к концу. Утверждение об оскудении руд саксонские мастера произнесли в Нерчинском бергамте под присягой, а заодно сказали, что обучили своему мастерству русских, и теперь хотят вернуться домой [8, л. 40]. В 1730 г. Шиль и Ворман, получив щедрое вознаграждение от Берг-коллегии, вместе с женами и детьми покинули Россию.

Известие об истощении нерчинских руд не понравилось В. де Геннину. Проверить информацию он послал уроженца Саксонии, члена екатеринбургской горной администрации Иоганна Готфрида Гейденрейха. Тот подтвердил показания Шиля и Вормана и тем убедил Берг-коллегию закрыть Нерчинский завод ввиду «малой копки руд». Казалось бы, перечисленные саксонцы сыграли негативную роль в истории сереброплавильной промышленности края. Однако не всё так однозначно. По данным историка Н. Корепанова, Гейденрейх принимал участие в реконструкции Нерчинско-

го завода, разрабатывал меры по повышению производительности труда [11].

К тому же Нерчинский завод не был закрыт, а только приостановил работу. Уже в 1733 г. на нём вновь начали плавить серебро. Чуть позже на смену уехавшим иностранным специалистам Генерал-берг-директориум (учрежден вместо Берг-коллегии в 1736 г.) вербовал новых контракторов. Так, в 1739 г. на Урал прибыли более пятидесяти специалистов из Саксонии. Для работ на Нерчинском заводе из них было выбрано 11 человек во главе с маркшейдером Иоганном Конрадом Ионом. В пути к месту назначения четверо иноземцев из этой партии остались на Красноярских заводах.

Руководитель «нерчинской команды» саксонцев Иоганн Конрад Ион был специалистом по обжигу серебра и пользовался авторитетом среди уральских и сибирских горных чиновников. Это подтверждается инструкцией из канцелярии главного завода правления Нерчинскому горному начальству от 12 августа 1739 г. В ней содержится требование «В добыче руд иметь отчет и старание и во всем соглашаться с посланным туда маркшейдером саксонцем Ионом» [2, л. 56 об.]. Руководство Нерчинских заводов также получило рекомендацию согласовывать с иностранцем кадровые и технические вопросы.

Отрывать саксонцев от работы, чинить им препятствия запрещалось. В то же время они не имели права участвовать в делах, не касающихся их профессиональных обязанностей и не предусмотренных контрактом [Там же, л. 42]. О превышении иноземцами полномочий Нерчинское горное начальство должно было сообщить в Екатеринбург.

Приехав в Забайкалье, контрактеры постарались изучить особенности местной горнозаводской промышленности, познакомились с рабочими и будущими учениками. Несмотря на, казалось бы, хорошее начало службы, немцам пришлось столкнуться с рядом бытовых проблем. В частности, предоставленные им служебные квартиры, оказались ветхими и малопригодными для жилья, в столь же ветхих плавильных сараях Нерчинского Завода трудно было подолгу находиться. Продукты в местных магазинах стоили очень дорого. Продовольственным снабжением саксонских специалистов местные власти не занимались. Чтобы не умереть с голоду, иностранцы подолгу ездили за дешёвыми продуктами по окрестным сёлам и не успевали работать. Узнав об этом, Канцелярия главных заводов правления приказала выдавать им провиант и починить казённые квартиры [Там же, л. 230].

Только тогда немцы получили возможность проявить себя. Иоганн Конрад Ион занялся проектированием механизмов, принял участие в строительстве Курунзулайского медеплавильного завода, проводил опыты по выделению золота из серебра, предлагал заменить греческую технологию плавки на саксонскую.

Между тем в 1740 г. в Нерчинский Завод приехал саксонец Иоганн Самуэль Отто. Изначально он состоял в команде Иона, но был оставлен в Красноярском уезде. Канцелярия главного правления Казанских и Сибирских заводов и Сибирский вице-губернатор Ланге планировали использовать его для промышленного шпионажа в Китае. Работая при русском посольстве в Пекине, он должен был выведать секреты китайской плавильной технологии. Вероятно, его разведывательная миссия в Поднебесной была отменена ещё до отправления в Нерчинский Завод. От начальства он получил иные задания: налаживать производство серебра в Забайкалье и учить русских мастеров. Можно предположить, что Отто имел и какие-то секретные предписания. Косвенным подтверждением тому служит инструкция, в которой Канцелярия напоминала ему о том, что нельзя в частных письмах сообщать о делах, «которые тайности подлежат» [3, л. 103 об.].

Такие саксонцы, как Отто или Ион стремились внедрять немецкие технологии, наработки в плавильный процесс. Но не всегда их начинания находили понимание и поддержку у местного начальства. К примеру, управитель Нерчинского Завода Елизар Назарьев в открытую выступал против иностранных новшеств, доказывая, что в греческие печи в отличие от саксонских позволяют получить более чистое серебро.

В 1743 г. Назарьева сменил новый управитель – Дмитрий Одинцов, который благосклонно смотрел на преобразования саксонцев. Он наладил хорошие отношения с Ионом, поддерживал его начинания. Именно при нем Ион, проведя ряд экспериментов, добился того, чтобы легкоплавкие и тугоплавкие руды из разных рудников смешивались во время плавки.

В том же году Берг-коллегия наградила Отто за труды прибавочным жалованьем и поручила ему наладить обжиг руд: «Надлежит тебе учредить порядочно руд обжигание, дабы чрез оное излишняя сера и прочие в той руде имеющиеся минералы можно было выгнать, и между тем чугун или железо от сыры истребила и так бы была облепчена дабы при плавке большим числом с шлаком пропала, а сколько раз и каким огнем обжигание чинить к тому надобно тебе разными пробами применяться» [Там же, л. 102–103 об.].

В 1743 г. группа из семи зарубежных контракторов во главе с кунтс-штейгером Яганом Гергом Борке, выполнив контрактные обязательства, решили уехать из Забайкалья на родину [Там же, л. 119]. Иоганн Конрад Ион, Иоганн Самуэль Отто и некоторые их коллеги остались служить в Нерчинском Заводе. В том же году Берг-коллегия направила сюда ещё нескольких саксонских горных специалистов. Со всеми саксонцами, согласившимися работать за Байкалом, были заключены «капитуляции» сроком на шесть лет. Например, штейгер Пауль Вейгольт обязывался искать и разведывать рудные месторождения. На время службы ему предоставлялась квартира, дрова и жалованье – 18 р. в месяц. По прошествии срока контракта, он мог либо остаться в Нерчинском Заводе или, получив жалованье и прогонные деньги уехать в Москву, где Берг-коллегия должна была снабдить его одеждой и деньгами на проезд в Европу. Подобное соглашение заключил Иоганн Самуэль Отто, но с условием: если не доживёт до окончания контракта, то его жена получит прогонные деньги до Москвы, половину его окладного жалованья и средства для проезда на родину.

11 июля 1743 г. подобное соглашение заключил саксонец Готтлиб Кестнер. Он обязывался отслужить унтерштейгером на Нерчинских заводах шесть лет, получая 10 р. в год и проживая на казённой квартире. За усердие ему было обещано дополнительное вознаграждение.

Кроме названных саксонских специалистов, в Нерчинском заводе в 40-х гг. XVIII в. служили их земляки – унтер-штейгер Буце, рутенгенгер (лозоходец) Х. Гаузе, кузнец И. Риттер.

Саксонцы оказали сильное влияние на развитие горнозаводского дела в крае. Отто и Вейгольт написали в Берг-коллегию доклад о недостатках производства серебра на Нерчинском заводе. В 1744 г. в соответствии с замечаниями скрупулёзных немцев Берг-коллегия приказала Нерчинскому горному начальству внести ряд изменений в техническое оснащение и организацию производства. В первую очередь высшее горное руководство требовало привести в порядок плавильные амбары: починить кровлю, сделать деревянные помосты для лошадей, приводивших в движение воздухоудные машины, возле самих машин выкопать небольшие каналы для стока воды. Начальство завода также обязали обзавестись медными или деревянными трубами, по которым в случае пожара можно было бы подавать к плавильным сараям воду. Как следует из приказа Берг-коллегии, на Нерчинском заводе руды, добытые из разных ям (выработок) не смешивались.

вали и плавил отдельно. Теперь же руды надлежало смешивать, «дабы одна другой спомо- существовали». Перед плавкой их следовало сортировать и обжигать. Плавильную работу запрещалось останавливать даже в праздничные или «викторианские» дни, выпадавшие на рабочую неделю. Вместо пропущенных праздников, рабочим полагалось дать отдых после завершения плавки. Маркшейдер Ион получил право требовать от горного начальства всё, что считал нужным «к производству заводскому». При этом каждые полгода он должен был рапортовать в Берг-коллегию о состоянии горных и заводских работ.

В 1745 г. уже упомянутый Вейгольт в 10 км от Нерчинского завода открыл новое месторождение, названное Благодатским. Тоже название получили рудник и возникшее при нём поселение – Благодатка.

К концу 40-гг. XVIII столетия Берг-коллегия постепенно отказывалась от массового привлечения иностранных специалистов и рекомендовала руководителям заводов больше полагаться на подготовленных русских мастеров и рудознатцев. Предполагалось, что в России должны остаться только высококвалифицированные, способные принести ещё пользу, иностранцы. Таких людей было предписано уговаривать остаться, склонять к принятию русского подданства.

Нерчинское горное начальство очень ценило Иогана Конрада Иона. С 1748 г. он входил в состав администрации Нерчинских заводов, принимал важные решения.

В 1752 г. Нерчинские заводы возглавил саксонский архитектор и инженер Иоган фон Баннер. Ранее он работал на Урале, руководил Екатеринбургской казначейской конторой, Пермским горным начальством. В Забайкалье под его руководством велось строительство Уровского завода, поиски железных и полиметаллических руд. Ион оставался при нём членом горного начальства.

В середине 50-х гг. XVIII в. все главные посты в Нерчинском горном начальстве занимали немцы: Иоганн фон Баннер, Иоганн Конрад Ион и Христиан Леман.

Однако немецкую диаспору в Даурии сложно было назвать дружной. Время от времени её раздирали конфликты. Ярким проявлением одного из них стал донос плавильщика Иоганна Готгеля Шмидта на своих соотечественников. Он обвинил Иоганна Баннера и Иоганна Иона в злоупотреблениях властью и в том, что они показывали китайцам технологию плавки серебра. Обвинение было серьёзным. Иоганн Конрад Ион поехал в Иркутск для дачи разъясне-

ний. В марте 1760 г. из Иркутской канцелярии пришло известие о том, что он внезапно скончался [4, л. 91–91 об.]. Вскоре выяснилось, что наветы Шмидта были ложными и его выслали из России.

Помимо горных специалистов, Нерчинским заводам требовались медицинские работники. В 1761 г. вследствие сенатского указа из медицинской канцелярии «для удовольствия рабочих и прочих служивых людей медикаментами» в земли Даурские поехали аптекарь Захарий Цахерт и лекарь Иоганн Диферт. Медицинская канцелярия снабдила Цахерта инструкцией, по которой он должен был требовать от заводской администрации специальные покои, а потом дожидаться строительства специального аптечного здания. Ему же полагалось требовать все необходимые лекарства и препараты. Цахерту была назначена зарплата 500 р. в год, а Диферту – 360 р. [9, л. 65 об.].

Помещение для аптеки начали строить в 1762 г. спустя год в Нерчинском Заводе появилось небольшое каменное здание высотой 1,5 сажени с крепкими деревянными дверями и двумя окнами. Внутри стояли три печи, предназначенные для приготовления медикаментов.

По наставлениям Медицинской канцелярии, Цахерт должен был изучать местные лекарственные травы, минералы и животных, которых можно использовать в медицинских целях. С этой целью рекомендовалось совершать поездки, собирать гербарии, опрашивать знахарей. Рядом с аптекой следовало разбить сад для изучения местных растений. В перспективе планировалось построить оранжерею.

Инструкция, данная Цахерту, доказывает, что на Нерчинско-Заводскую аптеку изначально возлагались научно-исследовательские и образовательные задачи. Правда, как отмечал краевед Е. Д. Петряев, Цахерт не слишком утруждал себя поисками лекарственных растений. По мнению краеведа Е. Д. Петряева, он и Диферт относились к искателям фортуны, для которых контракт в России был хорошим способом поправить своё материальное положение [12, с. 45]. Тем не менее Цахерт остался в истории как первый аптекарь Забайкалья.

Ввиду катастрофической нехватки кадров на Нерчинских заводах, во второй половине XVIII в. в Забайкалье по-прежнему прибывали приглашённые немецкие мастера. Примечательно, что видный начальник Нерчинских заводов Егор Егорович Барбот де Марни по материнской линии происходил из немецких дворян. Он знал французский и немецкий языки, и мог общаться с приезжими контракторами

без переводчика. Впрочем, за время службы в России многие из них неплохо осваивали русский язык.

При Барботе де Марни на Кличкинском руднике сложилась довольно крупная немецкая диаспора. В 1789 г. он направил туда саксонских рабочих и мастеров с предписанием построить рудоподъёмную конногвардейскую машину. Справившись с этой задачей, саксонцы внесли ряд полезных новшеств. По записям современников, маркшейдер Вагнер, штейгер Ролл, горный плотник Вагнер и исправляющий должность бергаера промывальщик Киндерман «во время бытности их при Кличкинских рудниках ввели из Саксонии обыкновенный образ работ и креплений и приучили к тому работных людей штейгеров... Польза же от сего введения ныне не может отменно заметна быть, поколику как во всех старых так и в новобретенных рудниках работы производятся во первых по узким остаткам прежних рудных жил, а в последних по еще не разработанным, також не широким жилам, где правильные работы менее приметную пользу приносят» [5, л. 274 об.]. Кроме того, саксонец Бегер заменил использовавшиеся для освещения горных выработок толстые свечи, на бленды и тонкие свечи, чем значительно сократил расход сала.

О жизни перечисленных рабочих сохранилось очень мало сведений. Известно только, что Вагнер каждую треть года отправлял матери через дрезденского банкира Грегори 24 р. Он и Отто очень хорошо трудились, за что и получили в 1790 г. прибавку к жалованью по 10 и 50 р. соответственно.

Один из пионеров сталелитейного производства Даурии также был немцем и жил при Кличкинском руднике. Его звали Готлиб Гумпрехт. Разжалованный и опальный барон, подпоручик и знаменитый фальшивомонетчик, он отбывал на Кличке наказание, а в 1796 г. сообщил известному изобретателю и бергмейстеру Павлу Томилову, что знает, как получать хорошую сталь, т. к. имел до ссылки собственную «стальную фабрику», и предложил заводскому начальству свою помощь в этом деле. Представленные им чертежи и описания заинтересовали начальство, которое предложило ему проводить опыты по получению стали сначала на базе Кутомарского завода. Но там не оказалось материалов, подходящих для строительства плавильной печи. Тогда его пе-

ревели в Петровский завод, где ему довелось участвовать в создании сталелитейной фабрики. В 1798 г. Гумпрехта отправили на Урал налаживать производство стали способом цементации.

На Кличкинском руднике служил другой известный в Забайкалье немец – Иван Карлович Бальдауф. Настоящее имя И. К. Бальдауфа – Иоганн Карл Траугот. Будучи сыном саксонского мастерского, он приехал в Россию в возрасте двадцати лет. У него не было денег, зато хватало желания учиться, сделать карьеру. В 1792 г. Бальдауф обратился к Барботу де Марни разрешить ему учиться в Петербургском горном училище и поступить на российскую горную службу. Правда, для этого надо было аннулировать его шестилетний контракт. Барбот де Марни передал просьбу молодого саксонца в Кабинет её императорского величества с характеристикой: «в долг я себе поставляю донести, что сей Бальдауф, суть молодой человек, имеющий весьма изрядные способности и начальные основания наук, до горного производства принадлежащих и хорошие в горных работах познания с неутомимым трудом сопряженные» [6, л. 634]. В следующем году Бальдауф получил разрешение отправляться на учёбу в Петербург. Он вернулся в Забайкалье в 1796 г. и начал служить шихтмейстером. В 1804 г. получил чин берггешворена, соответствовавшего подпоручику.

Забайкалье стало для него второй Родиной. Здесь он женился на Софье Егоровне Лависовой, вдове управляющего Кличкинским рудником. Уже в 1797 г. у них родился сын Александр, а спустя три года появился на свет второй мальчик – Федор. Кроме того, супруги имели трёх дочерей.

Иоганн Бальдауф изучал кряж Адун-Челон, Борзинское соляное озеро, Ононские оловянные прииски и составил одни из первых научных описаний этих и многих других природных объектов. Его сын Федор Бальдауф стал горным инженером, исследователем и поэтом.

Перечисленные примеры показывают, что иностранные специалисты внесли существенную лепту в освоение забайкальских недр. Многие из них остались здесь, основали династии и оказали влияние не только на развитие горного дела, но и на науку, литературу, медицину края. Они влились в дружную семью народов России и сделали нашу страну сильнее.

Список литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края) Ф. 10. Оп. 3. Д. 10.
2. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 4.
3. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 6.

4. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 30.
5. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 310.
6. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 328.
7. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 271. Оп. 1. Д. 97.
8. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 169.
9. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 3083.
10. Ведерников В. В. Кабинетская цветная металлургия Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2012. 186 с.
11. Корепанов Н. Гейденрейх (Heidenreich) Иоганн Готфрид, деятель горной промышленности XVIII в. Текст: электронный // Энциклопедия немцев России. URL: <https://enc.rusdeutsch.ru/articles/5560> (дата обращения: 06.04.2023).
12. Петряев Е. Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья: очерки из истории культуры края. Чита: Кн. изд-во, 1954. 260 с.

Сведения об авторах

Мясников А. В. – краевед, корреспондент издательства «Вокруг света», г. Москва, Россия, avmyasnikov@mail.ru

Myasnikov A. V. – Correspondent of the Publishing House “Vokrug sveta”, Moscow, Russia, avmyasnikov@mail.ru

Мясникова Г. В. – старший преподаватель кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, chita131957@yandex.ru

Myasnikova G. V. – Senior Lecturer of the Department of History of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, chita131957@yandex.ru

.....

УДК 908:2-472(571.55)

Нерчинское духовное училище: первые годы работы

Владимир Иванович Косых

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

kaf-ist-zabgu@yandex.ru

Статья посвящена открытию первого в Забайкалье мужского духовного училища, призванного давать начальное религиозное образование его выпускникам, лучшие из которых направлялись для продолжения обучения в Иркутскую духовную семинарию. Представлены данные о том, как руководство училища сумело подыскать здание для занятий и размещения учеников, решить проблему набора преподавателей, набора учеников, обслуживающего персонала, сбора денежных пожертвований на учебное заведение. Время действия: 1805–1807 гг.

Ключевые слова: духовное училище, учителя, ученики, класс, учебники, смотритель, священник, пожертвования, уроки

Nerchinsk Theological School: the First Years of Work

Vladimir I. Kosikh

Transbaikal State University, Chita, Russia

kaf-ist-zabgu@yandex.ru

The article is devoted to the opening of the first male religious school in Transbaikalia, designed to provide primary religious education. To its graduates, the best of whom were sent to continue their studies at the Irkutsk Theological Seminary. The article contains data on how the school management managed to find a building for classes and accommodation for students, solve the problem of recruiting teachers, recruiting students, staff, collecting donations for the educational institution. Time of action: 1805–1807.

Keywords: Spiritual School, Teachers, Students, Class, Textbooks, Caretaker, Priest, Donations, Lessons

13 августа 1805 г. в Нерчинске после известного времени подготовки открылось местное духовное училище, способное подготовить за четыре года младших членов церковного причта, а также будущих учащихся Иркутской духовной семинарии. Это событие радостно отметили в Иркутске, а также и в Нерчинске. Особо торжественно смотрелись члены Нерчинского духовного правления, горожане, клирики, руководство города, купечество, а также смотритель училища и его будущий попечитель, 27-летний протоиерей П. Лавровский, уроженец г. Иркутска. В течении известного времени он вынашивал идею открытия духовного училища, которую поддерживали епископ Иркутский и Нерчинский Вениамин, Иркутская духовная консистория, местное духовенство, ректор и преподаватели Иркутской духовной семинарии, готовые принять в свои стены выпускников Нерчинского духовного училища. По логике вещей, в Забайкалье (оно до 1894 г. входило в состав Иркутской епархии) давно требовалось провести ротацию священно-церковно-служительских кадров, заменив их на более молодых и грамотных клириков.

Отметим, что подобную поддержку протоиерей П. Лавровский нашёл в Нерчинском духовном правлении, среди влиятельных чиновников города, священников, диаконов и дьячков, купечества, обычных горожан. Именно благодаря им 13 августа 1805 г. Нерчинское духовное училище начало свою историю.

Отметим, что здание для размещения в нём училища нашлось быстро: в своё время ныне покойный купец Епифанцев отдал деревянный дом под квартиру обер-коменданта, генерал-поручика и областного начальника Б. К. Бекельмана. Последний, покидая Нерчинск, дом этот оставил городу, которым руководил Нерчинский городской голова А. Белокопытов.

Бургомистр Нерчинска Ф. Истомина 24 июля 1805 г., у которого не единожды бывал протоиерей П. Лавровский (в качестве смотрителя будущего училища и члена Нерчинского духовного правления) сообщал последнему (правлению – В. К.), что магистрат совсем не против того, если это здание займёт имеющее в скором времени открыться местное духовное училище. Правда, этот вопрос могло решить собрание Нерчинского общества при рассмотрении просьбы руководства учебного заведения о передаче указанного здания ему, подав прошение об этом в магистрат [1, л. 856].

Нерчинский городской голова А. Белокопытов 29 июля 1805 г. известил местное духовное правление о поступлении ему сообщения

городского магистрата от 24 июля: последующий рассмотрел правления о желательности передачи ему под размещение училища бывшего дома Е. К. Бекельмана. Городской голова указал, что подобное решение может принять собрание Нерчинского общества. Сам А. Белокопытов полагал, что дом умершего купца Епифанцева, в котором проживал В. К. Бекельман, совсем «не для какого другого употребления, единственно для обучения во оном гражданских города Нерчинска детей». По его словам, епископ Иркутский и Нерчинский Вениамин поддерживает идею открытия в Нерчинске духовного училища, которое способно будет давать юным нерчинцам необходимое образование.

Городской голова указывал, что духовное правление может принять указанное здание по описи с обязательным указанием «в какой целостности...», обязательно сообщив об этом лично ему [Там же, л. 857].

Естественно, что открытие духовного училища в Нерчинске стоило известных средств. Агитацию в этом плане довольно активно проводил среди горожан будущий смотритель училища 27-летний протоиерей П. Лавровский со своим верным соратником третьей гильдии купцом И. Сухановым. Отметим, что среди священников хорошим тоном считалось пожертвование в пользу училища не менее 5 р., церковнослужителей – 3 р. Принимали участие в подобных сборах и нерчинцы. Сбор по 13 августа 1805 г. принёс училищу 135 р. от клириков. Секретарь М. Муромов и купцы Черепановы – 35 р. Что касается расходов на училище, то до конца декабря 1805 г. они выглядели следующим образом. Так, для учебных занятий смотритель училища протоиерей П. И. Лавровский заказал 5 больших деревянных столов за 8 р. 50 к. Училище также закупило необходимые учебники (на 17 р.), выдало учителю положенные ему 55 р. за учебный год, поскольку деньги ещё имелись. Училище обзавелось ещё и коморником (попросту – завхозом и кладовщиком) с жалованием 5 р. в год, которые ему на радость тут же и выдали. Кроме того, 10 р. 15 к. училище уплатило за распиловку дров [2, л. 570 об.].

В 1806 г. нерчинцы снова поддержали духовное училище. Так, местный городничий Долбин пожертвовал 70 р., купец К. Епифанцев – 25 р. С остатком от 1805 г. это составило 219 р. 35 к. [Там же, л. 571].

Расход 1806 г. составили следующие выплаты: коморник получил повышенное жалование в 10 р. Укажем, что в училище тогда обучались несколько сирот (к сожалению, их количе-

ство не указано – В. К.) и которым оно помогло. Так, на питание оно затратило 58 р. 75 к., на пошивку шинелей для них правление закупило 29 штук сукна (на 11 р. 70 к.) и 50 единиц отрезов холста на рубашки (на 6 р.) [2, л. 571 об.].

На поправку здания правление выделило 20 р. 10 к., за 10 сажень дров оно уплатило 12 р. 50 к., «на угощение посетителей» (училище принимало чиновников разного уровня, прибывавших сюда по самым разным причинам и случаям, равно как и родителей – священников) 90 р., за пошив шинелей и рубашек – 4 р. 40 к. Таким образом, расходы в 1806 г. составили 217 р. 5 к. [Там же, л. 572].

Приход в 1807 г. дал 344 р. 80 к., остаток от прошлого года составил 2 р. 30 к. Сбор со священников и церковнослужителей пронёс училищу 232 р. 50 к., городничий Долбин пожертвовал на училище 25 р., купец К. Епифанцев – 35 р.

Это помогло Бурсе в этом же году израсходовать в этом же году на закупку 121 пуда хлеба на обитателей её, 69 р. 75 к. на закупку говядины, посуды свечей и мыла – 64 р. 40 к., на содержание сирот – 58 р. как и в предыдущем году. На покупку аптекарских бутылок ушло 5 р., книг – 4 р. 75 к., проводы Кабанова – 6 р. 50 к., «Марчихе» (судя по всему, прачка-надомница) за труды свои получила 11 р., каморнику выплатили жалование в 5 руб., некая покупательница обошлась в 1 р. 60 к, покупка дров – в 4 р.

Кроме того, «на экзамены для угощения посетителей» училище отдало 35 р. 50 к. Всего затраты на 1807 г. составили 376 р. 75 к. Верить этим цифрам можно, ибо взяты они из «Щетной выписки, учтенной из Приходской книги Нерчинского духовного училища с 1805 года августа по 1810 год». Расписался за данные смотритель училища и его попечитель П. Лавровский [Там же].

Как видно определённая денежная сумма поступала в качестве обязательной от священнослужителей, диаконов и дьячков, пономарей и др. В качестве благотворительной (добровольной) она исходила от чиновников различного уровня, купечества, представителей различных слоёв населения, видевших в духовном училище учебное заведение, в котором юношество Забайкалья получало необходимое.

Естественно, сложным вопросом для смотрителя духовного училища протоиерея П. Лавровского стало приглашение учителей-профессионалов, способных дать учебный материал курсантам и в должном объёме принять у них усвоенное. За специальные дисциплины он не переживал, поскольку знал их и имел опыт преподавания. П. Лавровский полагал в первый

класс – один из самых важных – направить священника церкви Акшинской крепости Н. Масюкова, которого ему характеризовали как человека умного, образованного, способного преподавать в учебном заведении на должном уровне. Судя по всему, образованный смотритель духовного училища П. Лавровский пригласил священника Н. Масюкова в Нерчинск. Тот перебрался в город, устроился учителем в училище на жалованье в 55 р. в год. Правда, акшинские прихожане в своих письмах П. Лавровскому сообщали, что он рано или поздно поймёт, что священник Н. Масюков «не соответствует назначению своему» [Там же, л. 553–554].

В январе 1807 г. протоиерей П. Лавровский пришёл к следующему выводу: священник Н. Масюков по «упримеченным соблазнительным для благонравия детского оказанным тем священником поступкам учителем ему быть не можно, и долженствует он отъехать в определенное ему место».

Однако мы не располагаем сведениями о том, что протоиерей П. Лавровский усмотрел у священника Н. Масюкова как «соблазнительное для богонравия детей»? Вероятно, тягу последнего «к чувственному наслаждению пианством», что толкало его на буйство или произнесение хульных речей? Правда, подобное бурсаки вполне могли слышать и от своего отца. Вероятно, П. Лавровский дорожил душами тех, кто в будущем займёт своё место в причтах Забайкальских церквей. Кроме того, он полагал, что настоящий учитель в духовном училище полностью будет соответствовать своему высокому назначению. Священник Н. Масюков, кроме того, обязывался обучать детей высокому искусству церковного пения.

Правда, смотритель П. Лавровский всё же нашёл учителей: среди обучающихся второклассников оказались дьячки Нерчинского Воскресенского собора И. Подгубунских и С. Пляскин, «отличавшие себя пред прочими, успехами». Протоиерей отметил, что они «могут занять должность учителей».

Именно поэтому, он в январе 1807 г. объявил им об этом, назначив их учителями первого класса «с положенным каждому (жалованьем – В. К.) по тридцать рублей в год [Там же, л. 129]. Они обязывались обучать курсантов «чтению, славянской и гражданской печати (письму), чистописанию по данным прописям, нотному обиходному пению и краткой российской грамматике, тако чтоб когда один занимается обучением, другой бы преподавал пение или писание чередуясь подённо или понедельно такожде и грамматику, для которой будет предписано особое время. Об успехах же

учеников подавать им при рапортах в правление ежемесячные ведомости, притом строжайше подтвердить им как во время отправления должности, так и в свободное от оной, вели себя пред учениками благородно и соответственно званию учителя. В противном случае подвергнуться строгому ответу, для сего дано им будет письменное наставление и как они не имеют собственного дома, для лучшего усовершенствования самих себя, и для большего успеха в обучении приказать им житьствовать в училище» [2, л. 129–129 об.].

Документ сей подписали смотритель училища и его попечитель протоиерей П. Лавровский, а также новоиспечённые учителя дьячки И. Подгорбунских и С. Пляскин [Там же, л. 132]. Проблему с преподаванием в начальных классах удалось решить, причём возникла интересная ситуация: учителя-дьячки, преподавая детям, обучались сами.

К слову сказать, сохранились воспоминания одного из нерчинских бурсаков, закончившего на излёте XIX в. училище. Естественно, что он выслушивал все истории о смотрителях училища, учителях и др. Всего наслушавшись, он отмечал, что, по бусацким рассказам, особой жестокостью по отношению к ним, отличался учитель С. Пляскин. Естественно, и сами ученики оказались далеко не сахарные. В конце концов, чтобы избавиться от опостылевшего им учителя, они организовали против него настоящий заговор. Когда С. Пляскин вошёл в аудиторию, с пачки на него прыгнул ученик и набросил на шею удавку. «Затянув петлю, потребовали..., чтобы он уходил со службы в бурсе. После троекратного, с клятвою, обещания, отпустили его. И он пошёл на служение сане иерейском (священник – В. К.)» [4, с. 3]. Судя по всему, после подобного случая П. Лавровский удерживать его не стал и потому за уходом С. Пляскина, имело место быть и продолжение. 22 декабря 1809 г. дьячок С. Пляскин просил Нерчинское духовное правление о производстве его в диакона на вакантное место в причт Городищенской Введенской церкви. При этом он упомянул полученный им после окончания Нерчинского духовного училища аттестат (и предъявил его). Он заявил также, что получил от городищенских прихожан «одобрение» [3, л. 107–107 об.].

Что касается учебного процесса, то 13 августа 1805 г. за пять огромных деревянных столов собрались 30 учеников (оказалось их поначалу 31, однако пятилетнего мальчишку отпустили домой со свидетельством, что через два года семилетним он приедет на обучение).

2 апреля 1807 г. учеников оказалось уже 32. Мы располагаем довольно интересным и ценным документом о системе обучения бурсаков, их успехах и неудачах на ниве образования. Дело в том, что учителя-дьячки И. Подгорбунских и С. Пляскин, выполняя приказ протоиерея П. Лавровского, направили в духовное правление ведомость за март 1807 г., в которой перечислили учеников, их успехи и неудачи в учёбе, время и продолжительность учебных занятий (паспорт от 2 апреля 1807 г.).

Так, ученик П. Суханов «до обеда два дня «поздо»» (до поздна – В. К.) занимался учебой хотя и не смог выучить тринадцать уроков. К. Пляскин отработал много лучше, отмечалось в ведомости – «три урока невыучил». Н. Пляскин не сумел выучить тринадцать уроков, равно как П. Малышев. Гораздо хуже сработал М. Подгорбунских, у которого значилось шестнадцать невыученных уроков [Там же, л. 552].

С. Пляскин два дня занимался до обеда и допоздна, однако не выучил пятнадцать уроков. П. Пляскин занимался в такое же время, так и не сумев, однако, выучить шестнадцать уроков.

Много лучше потрудились И. Пляскин, которому надлежало выучить всего четыре урока. И. Толтоногов дважды занимался до обеда и один раз допоздна. Итог: не смог подготовить два урока. Т. Кабанов работал в подобном режиме, однако не сумел выучить 11 уроков. А. Малышев четырежды занимался в дообеденное время и дважды допоздна. В итоге он не сумел выучить 8 уроков. Е. Стуков четырежды занимался в дообеденное время и столько же допоздна, не выучив четыре урока [Там же].

Упорнее занимался А. Суханов, который как отмечалось в ведомостях, не сумел выучить три урока. Р. Жданов дважды работал до обеда и один раз допоздна, не выучил четыре урока. Н. Стуков за март заучивал на уроках восемнадцать кафизмов, по характеру «благоденствен» в апреле 1807 г. «пишет азы» [Там же].

Ф. Малков в марте заучивал 10 хафизов, в апреле как значилось в ведомости «пишет АЗЬ, благоденствен». А. Юренский в марте заучивал «три хафизмы, в дообеденное время (десять уроков) и допоздна (три урока). В апреле он твердил третью хафизму. Благоденствен». А. Пляскин в марте «учил Великое поверие», не выучил два урока. В апреле он также «твердил» поверие на протяжении девяти часов. Характеризовался учителями, как «резвой».

А. Стуков в марте учил тот же предмет до обеда дважды и допоздна. Тем же он занимался и в апреле в течение девяти часов. По

характеру «благоденствен». И. Пляскин в марте заучивал «Великое поверье» и в итоге не выучил пять уроков. По характеру «суров». А. Малышев в марте твердил заданное учителем (предмет не указан – В. К.) девять часов, сумев при этом не выучить лишь один урок. В апреле приступив к изучению шести хафизм, характеристика – «благоденствен» [2, л. 552].

П. Клепиков в марте изучил «Утреннюю» трижды в дообеденное время и четырежды допоздна, не сумев выучить двенадцать уроков, характеризовался «благоденствен». Е. Черемнин в марте заучивал «Утреннюю» четырнадцать раз до обеда и восемь допоздна, не сумев выучить тринадцать уроков. В апреле он продолжил заучивать тот же предмет, по характеру отмечалось необычное – «суров».

И. Суханов в марте заучивал «полуишницу» дважды от послеобеденного времени и допоздна. Не удалось выучить ему одиннадцать уроков. В апреле он начал заучивать «Утреннюю», характеристика ему – «благоденствен». А. Суханов в марте изучал «полуишницу» и не смог заучить десять уроков. В апреле он продолжил эту работу, характеристика его – «благоденствен». Ф. Громов в марте занимался той же дисциплиной, однако не сумел выучить десять уроков. В апреле он заучивал то же. Характеристика этого бурсака настораживала – «неблагоденствен» [Там же].

С. Копытцов в марте изучал содержание букваря в дообеденное время (тринадцать) и допоздна (восемь уроков). Отметим, что ему не удалось выучить лишь один урок. В начале апреля он продолжил работать с букварём, характеризовался как «резвой».

С. Спицин в марте в течение четырнадцати дней до обеда и допоздна изучал азбуку, не сумев выучить материал шести уроков. В апреле он начал заниматься тем же. Характеризовался как «неблагоденствен» [Там же, л. 552 об.].

Из ведомости подготовленной учителями-дьячками И. Подгорбунским и С. Пляскиным для Нерчинского духовного правления видно, что обучение бурсаков ими выражалось в простом механическом заучивании заданного им материала и пересказе его учителю. Заучивание (или зазубривание) стандартно проходило в дообеденное время и допоздна. Понятно, что ученики просто выматывались, твердя непонятное, число невыученных уроков увеличивалось, что раздражало и выводило из себя учителей.

Судя по всему, родители бурсаков дома не особенно заботились о знакомстве их с грамотой, чтением и письмом. Именно это могло бы помочь их детям справиться с трудностями

обучения в духовном училище в первые месяцы. Правда, нашлись среди родителей священо-церковно-служители те, кто озаботился домашней подготовкой своих детей к учёбе, что помогло им достойно учиться.

Отметим, что вопросами отношения родителей бурсаков к Нерчинскому духовному училищу сразу же пришлось заниматься протоиерею П. Лавровскому, смотрителю и попечителю бursы, человеку, направлявшему её выпускников в Иркутскую духовную семинарию для прохождения учёбы и получения средне-специального образования.

Всё это заставило П. Лавровского 31 октября 1806 г. направить свой рапорт в Нерчинское духовное правление [Там же, л. 290]. Судя по всему, у протоиерея наболело в душе, и он поделился этой болью со своими коллегами. Он докладывал, что принимая должность попечителя училища, он предполагал следующее: «отцы не только детей охотно в оное (духовное училище – В. К.) представлять будут; и еще не примнут содействовать пособиями, как действительно, они и условились. Но, к сожалению моему, вскоре узнал, что некоторые под предлогом малолетства (в училище принимают с семилетнего возраста – В. К.) начали испрашивать детей для обучения дома, другие усиливались исходайствовать их в причт, третьим приписывались болезни и под разными видами старались удерживать их при себе. Снисходя хотению первых, дети их оставляемы были в домах их на год под условием, чтобы изучить чтение и представлять в училище. Напротив того, в проезд мой видел я, что они не прошли и Часослов; однако отцы, конечно, забыв условие, и по сие время оставляют их при себе.

Удовлетворяя прошениям других, дети их были определяемы в причт с тем, однако же, чтобы им образоваться в училище; но получившие место довольно уж начали считать себя просвещёнными. Третьими, будучи обманут, вставлял до выздоровления, некоторые и поныне показывают себя больными» [Там же, л. 290 об.].

«Сверх сих некоторые отцы и отцы, получившие саны священнические, образование детей своих ограничивали чтением и пением уповательно, что, не бывши большому образованию сами, и проживая спокойно, заняли себя предрассудком бесполезности учения. Не находя здесь надобности описывать чудное еще предубеждение против Слово Божью, примером святых отцов и Преавгустейшей премудрости Высокой Воли Монаршей, должен я заключить..., что и согласие духовенства Нерчинского клонилось к оному освобождению детей от

вызовов в семинарию. А потому непременно долгом выставляю доложить Нерчинскому духовному правлению следующее:

1-е. Не благоволит ли оно подтвердить Отцам, чтоб без препятственно детей от шести лет к научению представляли в здешнее училище; а которые сего не похотят, чтоб по-прежнему представляли в семинарию, отнюдь не надеясь в освобождении и в сём бы обязывались подписками.

2-е. По долгу священства содействовать пособиями к содержанию училища по сие условий.

3-е. Малограмотным причетникам, исключив возмужалых, предписать явиться для научения, есть ли необходимому, по крайней мере, порядочному чтению, письму и пению. К сему самый долг обязывает оное.

4-е. Учинить справку, сколько в ведении одного детей постигших семилетнего возраста, о которых бы и предписывать или к Новому году доставить их в здешнее училище, или, изготовив, препроводить в Иркутскую семинарию, дабы тунно (зря – В. К.) не терялись дети, способные к образованию.

5-е. Согласно ли противное прописанным пунктам изъявит здешнее духовенство своё расположение и составило бы правление в своём меня уведомить, дабы я, по должности попечения моего, мог о сём отнестись куда следует. Наконец, для уверения в успехах здешнего училища объявить им, что как в них, в годичных ведомостях донесено Преосвященному Вениамину, Епископу и кавалеру, засвидетельствованы и похвалою публичной испытании.

Должно речённому правлению, смею ожидать благоволительного спомоществованию моему предположению» [2, л. 293].

Ответ на этот доклад Нерчинского духовного правления в виде выписок из законов, Уложений и Духовного Регламента подготовило 1 ноября 1806 г. Оно согласилось с доводами П. Лавровского, ратовавшего за преобладание образованного духовенства, способного до-

стойно служить в храмах, быть примером для подражания в жизни. Правление поддержало его в том, чтобы в обычных русских школах дети обязательно обучались церковному и нотному «по всем мотивам, пению». Кроме того, согласилось с тем, чтобы в духовном училище дети поступали с шестилетнего возраста и к 10 годам знали словесную грамоту, письмо и пение. За не сумевших сделать это отвечали их отцы, а также священники, благочинные и даже духовные правления «подвергаемы будут строгому по силе законов суждению (Указы Иркутской духовной консистории от 16 ноября 1804 г.) [Там же, л. 291–291 об.].

Нерчинское духовное училище продолжало свою многотрудную работу и 6 мая 1809 г. его смотритель П. Лавровский известил местное духовное правление о состоявшихся выпускных экзаменах, проведённых по правилам Синода. Бурсаки сдавали следующие дисциплины: чистописание, простое нотное пение, краткая грамматика, священная и гражданская история, российская и всеобщая география, обе части арифметики, пасхалии, должности человека и гражданина, пространный катехизис, логика, риторика, поэзия, оценки за ответы выглядели следующим образом: «успешно» и «изрядно», «хорошо», «похвально» [3, л. 315–317].

Протоиерей П. Лавровский докладывал духовному правлению о виде аттестатов наиболее отличившихся выпускников, которые выгодно отличали их от тех, кто нигде не учился. Кроме того, свои аттестаты они могли предъявить «начальникам, под которыми... служить имеют» [Там же, л. 314]. В правление протоиерей направил по ним пяти аттестатов обнаруженных нами в архиве. Они заполнены каллиграфическим почерком писаря духовного училища Н. Пляскина. Аттестат за № 1 получил учитель-дьячок И. Подгорбунских, № 2 – учитель-дьячок С. Пляскин, учившиеся и обучавшие бурсаков [Там же, л. 318, 320].

Список литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 282. Оп. 1. Д. 87.
2. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 90.
3. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 96.
4. Нерчинская бурса (из воспоминаний бывшего бурсака) // Забайкальские областные ведомости. 1914. 3 июля. С. 3.

Сведения об авторе

Косых В. И. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, kaf-ist-zabgu@yandex.ru

Kosikh V. I. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Transbaikalian State University, Chita, Russia, kaf-ist-zabgu@yandex.ru

УДК 93/94(520)

История образования в Японии до реформ периода Мэйдзи

Виктор Владимирович Кузнецов

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

smith14101961@mail.ru

В статье затронуты вопросы становления системы образования в Японии с древности до реформ периода Мэйдзи. Цель – показать, что образование на японских островах в периоды древности и средневековья развивалось стихийно – то под влиянием прибывших из Европы иезуитов, то под активным влиянием элиты японского общества. Автор приходит к выводу, что появление школ и высших учебных заведений в Японии связано с периодом Мэйдзи («Просвещенного правления»), в ходе которого были проведены широкомасштабные реформы в экономике, политике и социальной жизни.

Ключевые слова: образование, Япония в период древности и средневековья, грамотность и иероглифика, «Нихонги», «Кодзики», самураи, иезуиты, сегунат, синтоизм, дзэн-буддизм, Басе

The History of Japans Education before the Meiji Reforms Period

Victor. V. Kuznetsov

Transbaikal State University, Chita, Russia

smith14101961@mail.ru

The content of the article touches upon the formation of the of the education system in Japan from antiquity to the period of the Meiji reforms. The purpose of the article is to show that education on the Japanese islands in ancient times and the Middle Ages developed spontaneously – either under the influence of the Jesuits who arrived from Europe, or under the influence of the elite of Japanese society. The author concludes that the emergence of schools and higher educational institutions in Japan is associated with the Meiji period (“Enlightened Rule”), during which large-scale reforms were carried out in the economy, politics and social life.

Keywords: Education, Ancient and Medieval Japan, Literacy and Hieroglyphics, Nihongi, Kojiki, Samurai, Jesuits, Shogunate, Shinto, Zen Buddhism, Basho

2023 год, объявленный в России «годом педагога и наставника», вызвал у многих соотечественников неподдельный интерес не только к истории российского образования, но и к формированию системы образования у наших западных и восточных соседей. Причём, если о возникновении первых школ и дошкольных учреждений, как, впрочем, и о педагогике как науке, в странах Европы известно достаточно много, то образовательная деятельность в странах Азии и Африки изучена недостаточно.

Безусловно, самыми древними образовательными системами необходимо признать учебные организации Древних Египта, Месопотамии, Индии и Китая. Однако одной из самых диалектичных и в настоящее время одной из самых современных, по мнению многих историков, является образовательная система Японии. Она далеко не идеальна, но следует признать, что по коэффициенту образованности, т. е. по количеству граждан, имеющих высшее образование (на душу населения), Япония далеко обошла многие развитые государства.

Историю японской системы образования следует рассматривать с фактического появления первого государства на японских островах. Как свидетельствуют японские источники, первые 14 императоров, начиная с божественного потомка богини солнца Аматерасу, были легендарными личностями, последующие 14 – историческими, но данных о них не сохранилось. И только период правления 29-го императора Японии Киммэя (509–571 гг.) нашёл своё освещение в исторических источниках [8]. Только с VI в. н. э. на японские острова стала проникать через Корею литература на китайском языке. Первые писанные китайскими иероглифами книги носили поэтическое содержание с небольшим воинственным налётом. Они целиком отражали потребности императорского двора и богатой верхушки японского общества. В этом же столетии таким же маршрутом в Японию пришёл буддизм, а с его приходом на острова хлынул поток религиозной и философской литературы. Потребность в переводе с китайского на японский язык для лучшего по-

нимания буддистских трактатов сыграла важнейшую роль в формировании японского алфавита и японской иероглифики. Не случайно лингвисты Востока называют вторую половину VI в. «периодом переводов» и, соответственно, роста числа грамотных в феодальной верхушке [2, с. 584].

В начале VIII в. в Японии появились два первых памятника японской национальной исторической литературы – «Кодзики» или «Записи о делах древности» в 712 г. и «Нихонги» или «Анналы Японии» – в 720 г. Несмотря на это, ещё на протяжении более чем трёх веков китайская лирическая поэзия Танской эпохи доминировала в японской литературе. Отсутствие серьёзных противоречий в феодальной среде и мирное сосуществование императорского двора (кугэ) и феодальной верхушки способствовали распространению культуры эстетического наслаждения природой и искусством, росту числа грамотного населения среди высших слоёв японского общества.

Только период Хэйан (X–XII вв.), внеся серьёзные изменения в отношения между кугэ и дворянско-самурайской верхушкой, с одной стороны, и непосредственно между самурайскими домами (букэ), с другой, повлиял на поворот от китайской культуры и грамотности в сторону новой японской национальной культуры и образованности. Падение авторитета императора (тэнно) и ослабление дисциплины в исполнении должностных обязанностей со стороны служилого сословия привели к падению интереса к созерцательной эстетической литературе. С потерей приоритета реальной власти императора и её переходом в руки сегунов в XII в. японская лирика отличалась только воспеванием храбрости и героизма сегуна и приближенных к нему князей (дайме). Растущий авторитет самурайства, его воинственного духа, постоянные междоусобицы и войны породили интерес к вопросам соотношения чести и жизни, определению приоритета в человеческом существовании, ответы на которые могли дать только представители распространённых в Японии религий – синтоизма и дзэн-буддизма. Но если ранее китайская лирическая литература побуждала получать минимальное образование только верхушку феодального общества, то теперь распространяемая японская религиозная и философская литература толкала к грамотности не только средние слои общества – безземельное самурайство и жителей городов, но и крестьян.

Япония пережила три династии сегунов – сегунат Минамото (1192–1333), сегунат Асикага (1336–1573) и сегунат Токугава (1603–1868).

Это был воинственный период строительства замков и крепостей, как пример специфики национальной архитектуры. Большой интерес для представления о развитии искусства периода японского средневековья являются предметы одежды всех категорий японского общества, но прежде всего служилого сословия самураев. Это лезвия и гарды самурайских мечей – катана, различные защитные предметы их одеяния, демонстрирующие высокий уровень обработки и мелкойковки металла [10]. В этот же период помимо изображения Будды, японская культура пополняется лаковой керамикой, картинами, изображающими природу и первыми примерами портретной живописи. Это время рождения не только народной поэзии и музыки, театров, но и Кабуки, национального кукольного театра Дзэррури [3, с. 507–512]. Однако уровень образованности и стремление к грамотности не всегда носили идентичный характер.

Переворот в европейской системе образования наступил с открытием книгопечатания Иоганном Гутенбергом в середине XV в. Почти через сто лет это открытие дошло и до Японии, став стимулом в обретении грамотности среди простых японцев. Причиной тому – географические открытия и проникновение первых европейцев на японские острова. Вслед за португальскими мореплавателями в 1542 г., открывшими таинственную Японию для европейцев, пришла волна монахов-иезуитов, призванных католической церковью распространять христианство любыми методами на всех открытых землях. Именно постулат равенства всех христиан перед богом привлекал большой интерес, особенно у простолюдинов к изучению святого писания и, соответственно, к грамоте. В 1549 г. в Японию прибывает один из самых авторитетных иезуитов Франциск Ксавье, вспоминавший: «...среди языческих народов не найдется такого, кто превосходил бы японцев по гостеприимству» [9, с. 224]. В 80-е гг. XVI в. на острове Кюсю насчитывалось уже более 100 тыс. христиан, а в городах Оми и Киото были отстроены католические храмы. Португальские и испанские священнослужители оказали большое влияние на рост грамотности и образованности японцев. Однако доверительное отношение населения островов к европейцам оставалось только на протяжении 60–70 лет. Интриги иезуитов, обман со стороны приехавших за монахами европейских торговцев, несоблюдение ими основополагающих принципов христианства и противоречие постулатов католичества основам восточного мировоззрения и вероисповедания – всё

это отталкивало японцев от западной религии и культуры. Уже в конце XVI в. иезуит Косме де Торрес писал: «...дзэнские монахи задают такие вопросы, на которые не смогли бы ответить ни Фома Аквинский, ни Скот Дунс» [9, с. 227]. После восстания в г. Симабара в 1637 г. под христианскими лозунгами сегун Иэмицу Токугава издал ряд указов о запрете распространения христианства в Японии и высылке всех европейцев из страны. Единственное исключение было сделано голландцам, которые имели право один раз в год посылать для торговли судно, заходившее в бухту Кагосима к пристани на островке Десима. Таким образом, японская литература, как и грамотность в целом, сделавшие при участии европейцев значительные шаги в своём развитии во многом сдала свои позиции на последующие два столетия.

Однако остановить стремление к грамотности на островах было уже невозможно. Годы Токугавского сегуната (XVII – 1-я половина XIX вв.) – период расцвета национальной философии и литературы. Формируется система «бакухан» («военно-феодалное правительство – княжество») [6]. Авторами философских и морально-этических учений становятся опытные самураи, ставшие организаторами и сэнсэями своих школ. К этому периоду относятся такие известные труды, как «Книга пяти колец» легендарного Миямото Мусаси

[7] и «Хэйхо кадэн се», переходящая в роду «книга об искусстве меча» Ягю Мунэнори [11]. В XVII веке раскрылся талант одного из самых известных поэтов и прозаиков Японии – Мацуо Басе. Путешествуя по родной стране, Мацуо не только писал стихи и драматические произведения, но и много философствовал и учил грамоте местное население. В ходе путешествия по Японии он создал свою философско-литературную школу, выпускники которой впоследствии продолжили его дело – повышение образованности рядовых японцев. Школа в годы своего расцвета насчитывала более двух тысяч последователей. Известными философами и литераторами стали ученики Басе – Тосэй, Сугияма Сампу, Кикаку, Раисэцу, Кераи [1].

Таким образом, оценивая ранний период истории Японии, мы можем сказать, что в Японии до наступления периода Мэйдзи не было систематически развитого образования. Образование развивалось стихийно – то под влиянием прибывших из Европы иезуитов, то под активным влиянием элиты японского общества. Сама система образования с появлением школ и высших учебных заведений сложилась только в период Мэйдзи («Просвещенного правления») с проведением широкомасштабных реформ в экономике, политике и социальной жизни в стране.

Список литературы

1. Басе Мацуо Стихи и проза. СПб.: Гиперион, 2002. 352 с.
2. Все о Японии / под ред. Г. И. Царева. М.: Профит Стайл, 2019. 602 с.
3. Дейноров Э. История Японии. М.: АСТ: Астрель, 2011. 767 с.
4. Иофан Н. А. Культура древней Японии. М.: Наука, 1974. 261 с.
5. История культуры Японии: обзор / Ютака Тадзава. Министерство иностранных дел Японии, 1989. 120 с.
6. Кирквуд П. К. Ренессанс в Японии. Культурный обзор семнадцатого Столетия. М.: Наука, 1988. 303 с.
7. Миямото Мусаси Книга пяти колец. СПб.: Евразия, 1999. 192 с.
8. Мейсон Р., Кайгер Дж. Г. Краткая история Японии. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2021. 512 с.
9. Нагата Хироси История философской мысли Японии. М.: Прогресс, 1991. 416 с.
10. Носов К. С. Вооружение самураев. СПб.: Полигон, 2002. 252 с.
11. Ягю Мунэнори Хэйхо кадэн се. Переходящая в роду книга об искусстве Меча. СПб.: Евразия, 1998. 224 с.

Сведения об авторе

Кузнецов В. В. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, smith14101961@mail.ru

Kuznetsov V. V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History, Transbaikal State University, Chita, Russia, smith14101961@mail.ru

.....

УДК 908:929(571.55)

Н. Г. Чернышевский и Забайкалье (к 195-летию со дня рождения)

Анна Владимировна Волочаева

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Rossav1@yandex.ru

Личность Н. Г. Чернышевского сыграла значимую роль в истории российского общественного движения XIX в. Он был филологом, философом, историком, педагогом; его научные изыскания являются предметом исследований и в современных науках. Важную роль Николай Гаврилович сыграл и в жизни Нерчинской каторги, где он отбывал наказание ссылкой в каторжные работы. Жизни и деятельности этого видного деятеля посвящено большое количество научных работ, в советское время действовали и сейчас работают музеи, его имя было присвоено Читинскому государственному педагогическому институту (в более позднее время Забайкальскому государственному педагогическому университету, Забайкальскому государственному гуманитарно-педагогическому университету). Обобщению и систематизации всех видов научно-исследовательской деятельности, связанных с жизнью и деятельностью Н. Г. Чернышевского и в честь 195-летия со дня его рождения и посвящена данная статья.

Ключевые слова: история Российской империи, общественное движение в России во второй половине XIX в., Н. Г. Чернышевский, политическая каторга и ссылка в Сибирь, Нерчинская каторга

N. G. Chernyshevsky and Transbaikalia (to the 195th Anniversary of his Birth)

Anna V. Volochaeva

Transbaikal State University, Chita, Russia

Rossav1@yandex.ru

The personality of N. G. Chernyshevsky played a significant role in the history of the Russian social movement of the XIX century. He was a philologist, philosopher, historian, teacher; his scientific research is the subject of research in modern sciences. Nikolai Gavrilovich also played an important role in the life of the Nerchinsk penal servitude, where he served his sentence by exile to hard labor. A large number of scientific works have been devoted to the life and work of this prominent figure, museums operated in Soviet times and is now operating, his name was assigned to the Chita State Pedagogical Institute (later the Transbaikal State Pedagogical University, the Transbaikal State Humanitarian Pedagogical University). This article is devoted to generalization and systematization of all types of research activities related to the life and work of N. G. Chernyshevsky and in honor of the 195th anniversary of his birth.

Keywords: History of the Russian Empire, Social Movement in Russia in the Second Half of the XIX Century, N. G. Chernyshevsky, Political Penal Servitude and Exile to Siberia, Nerchinsk Penal Servitude

Николай Гаврилович Чернышевский – известный общественный деятель, вдохновитель народнического движения в России во второй половине XIX в., автор большого количества литературных произведений и научных статей по филологии, экономике, истории, философии и других, опубликованных как отдельными книгами, так и в собрании его сочинений [19]. Он был ведущим автором журнала «Современник», а потом и его главным редактором. Большое число произведений было создано Николаем Гавриловичем позже, когда он отбывал наказание в каторжных работах в Забайкалье и Якутской ссылке. Правда, они и уничтожались им же самим, в том числе и по причине постоянных проверок тюремного начальства. Воспроизвел все свои произведения он в последующее время. Публикация его трудов ста-

ла возможна в начале XX в. благодаря усилиям его младшего сына Михаила. В советское время в Полном собрании сочинений опубликованы были также дневники Н. Г. Чернышевского, его автобиография 1881 г. [Там же, т. 1] и переписка, в том числе и его письма жене – Ольге Сократовне с Кадаи и Александровского завода – тюрем Нерчинской каторги [Там же, т. 15]. В связи со 195-летием со дня рождения Николая Гавриловича и в честь отмечаемого в России «Года педагога и наставника» необходимо определить важные аспекты жизни и деятельности Чернышевского в Забайкалье, отметить учёных, внесших вклад в исследование и сохранение памяти о нём, а также представить тематику современных исследований его научных изысканий. Данным проблемам и посвящена данная статья.

Наиболее полное современное исследование, посвящённое жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, составлено Адольфом Демченко, переизданное несколько раз [2]. В данной работе доктор филологических наук из г. Саратова (с малой родины Николая Гавриловича) на основе личных документов Чернышевского, а также воспоминаний о нём, в том числе и сохранившихся в архивных материалах, составил целостное исследование. В монографии представлены последние годы петербургского этапа жизни этого общественного деятеля до ареста в 1862 г., подробно рассматривается арест и пребывание в Петропавловской крепости, в Сибири (Усолье, Кадае, Александровском заводе, Вилъюске) и его последние годы жизни в Астрахани и Саратове. Автор ставит под сомнение авторство Николая Гавриловича в прокламации «Братским крестьянам от их доброжелателей поклон», в написании которой его обвинили. Считает, что дело против Чернышевского полностью сфабриковано.

В 1864 г. после публичной гражданской казни Николай Гаврилович Чернышевский оказался на Нерчинской каторге в Забайкалье, сначала в Кадае (1864–1866), потом в Александровском заводе (1866–1871). Незначительный период пребывания (несколько недель) он провёл на Иркутском солеварном заводе (с. Усолье). Период пребывания общественно-го деятеля на каторге подробно исследовался забайкальскими историками и литераторами А. Г. Патроновой, З. В. Мошкиной, М. М. Майским, А. М. Черниковым [8; 10; 11; 14; 17] и др.

Авторы анализировали не только взгляды Чернышевского на различные общественные проблемы и описывали его быт в условиях каторги, но и представляли его личностные качества. Исследователи отмечали, что Николай Гаврилович вызывал глубокое уважение среди всех заключённых политической каторги, указывали на его педагогический талант и способность находить выход, а самое главное – возможность выжить в тюрьме. Сила воли Николая Гавриловича Чернышевского, умение убеждать, делиться своими знаниями с другими и другие личностные качества позволяют назвать его учителем для тех, кто был знаком с ним лично, а также кто читал его труды. На пьесы Чернышевского политические каторжные ставили спектакли, на основе его взглядов сформировалась уже в Александровском заводе так называемая «Конституция», которая стала основой жизни политкаторжан 1860-х гг.

З. В. Мошкина, основываясь на воспоминаниях М. Д. Муравского, называет четыре главных правила в данной Конституции: 1) не

заводить с начальством панибратских отношений; 2) не заводить конфликтов и протестов из-за пустяков; 3) по проблемам подавать жалобы с реальными исполнимыми требованиями; 4) не уступать по поданной жалобе, но при этом «не лезть на рожон». Именно этот период Нерчинской каторги характеризуется относительно спокойным – заключённые не хотели лишиться своим поведением навредить своему учителю, поэтому не конфликтовали с тюремным начальством [11, с. 395–397]. В Кадае Чернышевский встретился со своим другом – поэтом, общественным деятелем М. Л. Михайловым, который умер на его руках от болезни; «гарибальдийцами» – участниками польского восстания [4]. Сюда же приезжала его жена Ольга Сократовна с сыном, по приезду и кратковременному пребыванию которой в исторических источниках сохранилось много неточностей. А. Демченко считает, что короткий период её пребывания здесь был связан с указаниями высшего начальства изначально, а не с отдельными подозрениями в вероятном побеге Чернышевского и возможном её аресте [2, с. 360].

Каторжных работ ни в Кадае, ни в Александровском заводе Н. Г. Чернышевский фактически не выполнял. Сначала это было ограничено по состоянию его здоровья (ревматизм, туберкулёз), далее просто отсутствие каторжных работ (кризис рудничного производства в это время), а также был страх тюремного начальства/высшей власти в возможном распространении революционных идей. Он ограничен был в переписке (большинство писем писалось им 1 раз в 3 месяца), были постоянные обыски, часто связанными с попытками его освобождения (о которых сам Чернышевский даже не знал). В Александровском заводе в период короткого времени пребывания в вольной команде Николай Гаврилович проводил уроки с местными крестьянскими детьми по разным предметам. Здесь – в доме, где временно проживал Чернышевский, в советское время при поддержке историков-преподавателей Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского и Читинского областного краеведческого музея был создан Мемориальный дом-музей с его именем (ныне Краеведческий музей с. Александровский завод).

Страх распространения идей Николая Гавриловича среди общества и большое количество попыток его освобождения привели к тому, что после окончания срока каторжных работ его отправили на поселение в далёкую Якутскую область – в одиночное содержание, потом в Астрахань и только в конце своего жизненного пути Чернышевский вернулся в свой родной

Саратов (так и не дождавшись разрешения на свободное местопребывание). Кстати, к нему не применялись императорские указы 1866, 1868, 1871 гг., дававшим льготы политическим преступникам и смягчающим их пребывание на каторге.

Но идеи Н. Г. Чернышевского невозможно было остановить в развитии общественной мысли. Они распространялись и в Западной Европе, и в России. После революции сохранить научное и литературное наследие, а также память о Н. Г. Чернышевском (его письма, воспоминания о нём) старались дети и внуки. Сын Михаил создал в 1920 г. в Саратове Музей-усадьбу Н. Г. Чернышевского, внучка Нина Михайловна активно участвовала в сохранении этого музея, в подготовке материалов Полного собрания сочинений писателя-общественного деятеля, в создании музеев ему посвящённых в г. Чите и в с. Александровский завод.

Читинский государственный педагогический университет, готовивший кадры учителей для всего региона, в 1963 г. стал носить имя Чернышевского. Это название сохранилось при переименовании вуза в Забайкальский государственный педагогический университет (1997) и в Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет (2006). В 1977 г. в Читинском государственном педагогическом институте был создан музей Н. Г. Чернышевского, просуществовавший до 1993 г. («собираТЕЛЬская работа» началась раньше – примерно с начала 1960-х гг.). Музей создавался Борисом Львовичем Лигой при поддержке внучки Нины Михайловны Чернышевской и фондов Музей-усадьбы г. Саратова [3, с. 19]. В рекламном проспекте музея за 1883 г. отмечается, что это был первый на востоке страны музей, посвящённый Н. Г. Чернышевскому [12, с. 5]. Студенты Читинского государственного педагогического института даже ездили в Саратов в музей-усадьбу Н. Г. Чернышевского, участвовали в возложении цветов у его памятника. Активное участие в создании фондов музея принимали преподаватели педагогического института П. М. Масалов, Г. А. Баркин, Н. А. Каслов, В. Г. Изгачев, В. А. Пашенко и др. Над картинами Читинского музея жизни и деятельности Николая Гавриловича трудились известные художники Советского Союза – Лазарь Новицкий (картины «Свидание в Кадае», «Непоколебимые», «Чернышевский и Красовский в Александровском заводе» и др.), Василий Иванович Голубев («Чернышевский в Кадае», «Чернышевский в Александровском заводе») и др. [Там же, с. 6–8]. Фонды музея, согласно рекламного проспекта 1883 г.,

включали: прижизненные издания произведений Н. Г. Чернышевского (первое издание «Что делать?», вторую часть «Пролога»), статьи в журналах «Современник», последующие его издания дореволюционного времени; иллюстрации художников к произведениям Чернышевского; произведения Николая Гавриловича, изданные на языках народов СССР и зарубежных стран; факсимиле и ксерокопии рукописей и документов, связанных с его жизнью и деятельностью; фотографические портреты Чернышевского разного времени (1853 – дареготип, снятый Александровским в Петербурге, 1859 – снятая Лауффертом в Петербурге, 1860 – групповой портрет «Первого комитета Литературного фонда», 1870 – фотография Гофмана в Александровском заводе, 1883 и 1888 гг. – фотографии Климашевского в Астрахани; три последних были сняты в полицейских целях [15, с. 9–10]); фотографии и рисунки с видами городов и местностей, где он жил и работал; фотографии его соратников, родных и близких; произведения изобразительного искусства, воссоздающие образ этого общественного деятеля в живописи, графике, скульптуре (оригиналы) и многое другое [Там же, с. 7–8]. Скульптурные портреты Н. Г. Чернышевского, представленные в фондах, изготовлены из разных материалов – гранит, мрамор, чугун, дерево [Там же, с. 10]. Материалы экспозиции размещались в пяти залах. В фондах современного Научно-образовательного музейного центра Забайкальского государственного университета сохраняются материалы экспозиции, созданные в советские годы, до настоящего времени, но требуется дополнительная работа для восстановления выставочных стендов. На базе музея в советское время также проводились научные конференции студентов (Чернышевские чтения), определена была тематика: консультация, учебные спецкурсы и спецсеминары по материалам экспозиции и фондов музея [12, с. 12–15].

В последние годы также сохраняется большой интерес исследователей наследия Н. Г. Чернышевского. Продолжается изучение его эпистолярного наследия и автобиографии, на основе которых исследуются семейные взаимоотношения автора, его личные отношения с писателями и общественными деятелями – А. И. Герценом, Н. А. Добролюбовым, И. С. Тургеневым, Н. А. Некрасовым, Н. И. Костомаровым и др. [16]. Изучаются воспоминания каторжных, с которыми находился в Кадае и Александровском заводе Николай Гаврилович. Философы, филологи, экономисты, историки продолжают изучать научное

наследие Чернышевского. Философы изучают мировоззрение Н. Г. Чернышевского [1; 13], его этические воззрения, связанные с религиозной моралью, воспитанием детей и супружескими отношениями [6; 7]; в литературе – Чернышевский в оценке критиков разного времени [18, с. 96–107] и др.; в политологии – понятие «либерализм», отношение к революции в работах Чернышевского [5; 18, с. 65–72] и др. За рубежом личность и деятельность Николая Гавриловича также вызывает интерес. Об этом свидетельствует как публикации российских исследователей в международных журналах [13], так и исследования зарубежных учёных [4].

Таким образом, на данный момент разработаны целостные исследования, как о жизни Николая Гавриловича, так и о его научном

и литературном творчестве. Личность и деятельность общественного деятеля Н. Г. Чернышевского до сих пор остаётся актуальной для исследований в разных научных направлениях. Имя этого учёного, педагога, писателя сохраняется в названиях отдельных учебных заведений, например Саратовского национального исследовательского государственного университета, а также музеев и музейных экспозициях регионов России, в том числе и в Забайкалье. Опыт создания музея, сотрудничества разных музеев страны, также других общественных и социально-культурных государственных организаций (библиотеки, союзы писателей, художников и др.) может быть использован при организации современных музеев, уже с применением и новых музейных, информационных технологий и форм взаимодействия.

Список литературы

1. Волобуев В. А. Мировоззрение Н. Г. Чернышевского // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 1. С. 356–358.
2. Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография (1859–1889). М.: Политическая энциклопедия, 2019. 688 с.
3. Дроботушенко Е. В. Музеи Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского: вехи истории // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2019. № 9. С. 17–20.
4. Казари Р. Н. Г. Чернышевский и гарибальдийцы из Бергамо. Текст: электронный // Сибирь и ссылка. URL: https://sibir-ssylka.ucoz.com/publ/n_g_chernyshevskij_i_garibaldijcy_iz_bergamo/1-1-0-126 (дата обращения: 01.04.2023).
5. Касьянов А. О. Н. Г. Чернышевский о классовой борьбе и революции // Право и государство: теория и практика. 2022. № 9. С. 28–31.
6. Кокарева Ю. В. Нравственный идеал в философии русского народничества (Н. Г. Чернышевский, Н. К. Михайловский): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05. Чита: ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского, 2007. 201 с.
7. Кондратьева С. Б. Проблема обоснования морали и нравственности в философских и педагогических сочинениях Н. Г. Чернышевского // Контекст и рефлексия о мире и человеке. 2018. Т. 7, № 6А. С. 224–230.
8. Майский Ф. Ф. Н. Г. Чернышевский в Забайкалье. Чита: Отпор, 1950. 137 с.
9. Манова Е. Н. М. Н. Чернышевский – основатель и первый директор музея Н. Г. Чернышевского (из истории создания в Саратове музея Н. Г. Чернышевского) // Вестник Саратовского университета. 2007. № 5. С. 154–157.
10. Мошкина З. В. Еще раз о Н. Г. Чернышевском на каторге // Ментальное пространство личности: сб. ст. и материалов. Чита: ЗабГПУ, 2004. С. 87–93
11. Мошкина З. В. «Конституция» политических заключённых Нерчинской каторги второй половины XIX века // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. / отв. ред. А. А. Иванов, С. И. Кузнецов, Б. С. Шостакович. Иркутск: Отгиск, 2013. Вып. 7. С. 393–406.
12. Музей Н. Г. Чернышевского (рекламный проспект). Чита: Читинская областная типография, 1983. 17 с.
13. Никифоров Я. А. Модернизация как парадигма общественного развития в творчестве Н. Г. Чернышевского // EUROPEAN SOCIAL SCIENCE JOURNAL. 2011. № 11. С. 199–204.
14. Патронова А. Г. Государственные преступники на Нерчинской каторге (1861–1895 гг.): библиографический справочник. Чита: ЗабГПУ, 1998. Ч. 3 (П–Я). 433 с.
15. Пропаганда музейными средствами биографии и наследия Н. Г. Чернышевского (рекламный проспект). Чита: Читинская областная типография, 1986. 28 с.
16. Терещенко Э. Б. Известные публикации Н. И. Костомарова периода преподавания Н. Г. Чернышевского в Саратовской гимназии // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых учёных: в 3 ч. / отв. ред. Г. М. Алтынбаева. Саратов: Саратовский национально-исследовательский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2016. С. 207–211.
17. Черников А. М. Н. Г. Чернышевский в Сибири. Чита: Чит. изд-во, 1955. 52 с.

18. Чернышевский Н. Г. Статьи, исследования и материалы: сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Демченко. Саратов: Техно-Декор, 2015. Вып. 20. 220 с.

19. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений / под общ. ред. В. Я. Кирпотина, Б. П. Козьмина, П. И. Лебедева-Полянского [и др.]: в 16 т. М.: Гослитиздат, 1939–1953. Т. 1. Дневники. Автобиография. Воспоминания. 860 с.; Т. 2. Статьи и рецензии. 1853–1855. 943 с.; Т. 3. Очерки гоголевского периода русской литературы. 1856. 884 с.; Т. 4. Статьи и рецензии. 1856–1857. 983 с.; Т. 5. Статьи. 1858–1859. 1006 с.; Т. 6. Политика. 1859. 545 с.; Т. 7. Статьи и рецензии. 1860–1861. 1094 с.; Т. 8. Статьи и рецензии. 1862–1889. 1091 с.; Т. 9. 1860–1861 гг. 1010 с.; Т. 10. Статьи, рецензии, письма и другие материалы: 1843–1889. 959 с.; Т. 11. Что делать? Из рассказов о новых людях. Юношеские произведения. 748 с.; Т. 12. 1860–1862 гг. 697 с.; Т. 13. Алферьев. Повести в повести. Мелкие рассказы и др. 697 с.; Т. 14. Пролог. История одной девушки. Драма без развязки и др. 918 с.; Т. 15. Письма 1838–1876 годов. 897 с.; Т. 16. Письма 1877–1889 годов. 986 с.

Сведения об авторе

Волочаева А. В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, rossav1@yandex.ru

Volochaeva A. V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, rossav1@yandex.ru

УДК 930(517.3)(2РОС-4ЧИТ)

Военное монголоведение в России в начале XX века: вопросы историографии

Юрий Васильевич Кузьмин

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия

kuzminuv@yandex.ru

Представлен материал об изучении современными исследователями военного монголоведения в России второй половины XIX – начала XX вв. Основное внимание уделено изученности историками военных экспедиций и их результатов в Монголию в период кризиса Цинской империи и независимости страны в 1911 г. Дана современная оценка исследований военных монголоведов России монгольского общества и русско-монгольских отношений. Обозначены направления дальнейшего исследования данной темы, необходимость создания монографических трудов о научной и военной деятельности российских офицеров. Национальные и геополитические интересы современной России настоятельно диктуют необходимость глубокого изучения научных результатов и трудов военных специалистов Российской империи начала XX века, а также военных экспедиций в Монголию и Китай.

Ключевые слова: историография, военное монголоведение, Монголия, российско-монгольские отношения, военные экспедиции, офицеры-восточники

Финансирование. Грант РФФИ 20-59-44008 Монг_а Мировое на российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии

Military Mongol Studies in Russia: Questions of Historiography

Yuri V. Kuzmin

Baikal State University, Irkutsk Russia

kuzminuv@yandex.ru

The article presents the material on the study of modern researchers of military Mongol studies in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries. The main attention is paid to the study by historians of military expeditions and their results in Mongolia during the crisis of the Qing Empire and the country's independence in 1911. A modern assessment of the research of Russian military Mongol scholars of Mongolian society and Russian-Mongolian relations is given. The directions of further research on this topic, the need to create monographic works on the scientific and military activities of Russian officers are outlined. The national and geopolitical interests of modern Russia strongly dictate the need for in-depth study of the

scientific results and works of military specialists of the Russian Empire at the beginning of the twentieth century, as well as military expeditions to Mongolia and China.

Keywords: *Historiography, military Mongol studies, Mongolia, Russian-Mongolian relations, military expeditions, Eastern officers*

Funding. RFBR grant 20-59-44008 Mong_a World on Russian Mongolian Studies: national schools, concepts, personalities

В советской историографии военное востоковедение длительное время изучалось довольно избирательно, в основном регион Ближнего Востока, а также излишне обзорно. Основное внимание уделялось изучению экспедиций в Центральную Азию Н. М. Пржевальского, В. И. Роборовского, М. В. Певцова, Г. Н. Потанина, П. К. Козлова и акцентировалось на их географических открытиях, а также изучении геологии, животного и растительного мира, истории и этнографии региона. Геополитические интересы Российской империи в Центральной Азии, Монголии, Цинской империи, Тибете, а также геополитические национальные интересы военных экспедиций в Монголию не формулировались и находились в «тени». Целый пласт военных экспедиций начала XX в. в Монголию вообще не был введён в научный оборот, ряд из книг находились в спецхранах и были недоступны исследователям, т. к. были с особым грифом.

В 1990-е гг. началось изучение этих подробных материалов военных экспедиций, которые направлялись для изучения возможных театров военных действий, экономического и военного потенциала восточных стран Восточной Азии, составления подробных географических, топографических карт Монголии, Северной Маньчжурии. В обобщающей работе «История отечественного востоковедения» (1990) впервые было выделено военное востоковедение, но материал был представлен только по Ближнему Востоку.

В 2000-е гг. началось активное переосмысление военной истории России, изучение проблем становления и развития военной разведки страны, появились более объективные исследования об офицерском корпусе страны [4]. Стали издаваться биографии известных военных деятелей, связанных с восточным направлением: И. М. Венюкова, А. Н. Куропаткина, Л. Г. Корнилова, К. Маннергейма, П. К. Краснова, Г. Семенова, Р. Унгерна, а также менее известных военных востоковедов В. Л. Попова, А. М. Баранова, А. Хитрово, И. Тонких, Ю. Кушелева и др. [5; 6; 18; 24; 25]. В настоящее время публикуются биографии, автобиографии, дневники, исследования известных и крупных военных деятелей России, в том числе и по мон-

гольской тематике [7–9; 17; 21]. Это позволило расширить наши представления о развитии военного востоковедения в России и показать вклад в мировую геополитику, показать приоритет российских военных в эту область изучения востоковедения. Ряд военных экспедиций носил секретный или полужакрытый характер, поэтому некоторые аналитические материалы военных экспедиций были не доступны исследователям. Публикации о российском военном востоковедении в изучении Северо-Восточной Азии (Монголия, Китай, Маньчжурия) были представлены в работах М. К. Басханова, А. А. Колесникова, Н. А. Самойлова, В. В. Глушкова, А. А. Шаравина, А. В. Постникова, В. Г. Дацышена, Ю. В. Кузьмина, Е. В. Бойковой, Г. В. Мелихова и др. [10–13]

Военное востоковедение – это особая область научных исследований, не характерная для зарубежных стран. В российской армии в начале XX в. появилась неизвестная ранее военная специальность – «офицер-востоковед» или «офицер-ориенталист». Систематическая подготовка военных востоковедов велась на офицерском отделении Восточного Института во Владивостоке, офицерских курсах при Азиатском департаменте МИД Российской империи, Ташкентской офицерской школе восточных языков. Всего было подготовлено более 500 офицеров. Ряд способных офицеров самостоятельно овладели монгольским, китайским и маньчжурским языками, т. к. длительное время проживали в этих восточных странах [1, с. 5].

Особо можно выделить крупное исследование М. К. Басханова «Русские военные востоковеды. Библиографический словарь» (2005) [Там же]. В него вошли биографии некоторых военных монголоведов: А. М. Баранова, А. А. Баторского, А. А. Болобана, Ф. К. Боржимского, В. Г. Габрика, Л. Г. Корнилова, В. Ф. Новицкого, В. Л. Попова и др. Однако научной деятельности российских других военных монголоведов не уделено специального и достаточного внимания. Краткость, обзорность информации о военных монголоведах не умаляет достоинств этого ценного и уникального издания. Экспедиции военных в Монголию, их научные результаты в полном объёме

не стали предметом научного изучения в силу ограниченности объёма этой книги. Ценный материал по изучению восточных языков, в том числе монгольского языка, представлен в монографии М. К. Басханова «История изучения восточных языков в русской императорской армии» (2018), в которой восстановлена история 24 военных учебных заведений России [2]. В подготовке военных монголоведов нашей страны особо важную роль сыграл Восточный институт во Владивостоке, который подготовил значительное число монголоведов и китаеведов, профессионально себя проявивших в военных исследованиях и разведке в Монголии, Маньчжурии и Китае начала XX в.

Другой выпускник Военного Института иностранных языков, доктор исторических наук А. А. Колесников [10] также опубликовал ряд работ, посвящённых военным исследователям Азии, в которых основное внимание уделено специалистам по Средней Азии и Ближнему Востоку: «Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX века)» (1988) [11], «Восточный Туркестан глазами европейских путешественников» (1991) [12], «Русские военные исследователи Азии (XIX – начало XX веков) (1997) [13], «Русские в Кашгарии (вторая половина XIX – начало XX в.). Миссии. Экспедиции. Путешествия» (2006). Была воссоздана картина военно-исследовательской деятельности в важном регионе национальных интересов России, показана интенсивная научная и аналитическая деятельность российских военных, определены цели и задачи, результаты военных экспедиций.

Серию публикаций о военном монголоведении выполнил Ю. В. Кузьмин, опубликовавший в 2007 г. монографии: «Монголия и Китай начала XX века в оценках российских военных исследователей» [14], «Монголия и Китай начала XX века в оценках российской военной разведки» [15], а также серию статей о военно-исследовательской деятельности русских офицеров в Монголии: «Офицеры Генерального штаба о национальных интересах России в Восточной Азии», «Монголия и монгольский вопрос» (1998), «Русско-монголо-китайские отношения начала XX в. в оценках российских военных» (2008) и др. Были изданы биографии и материалы экспедиций по Монголии Ю. Кушелева, А. М. Баранова, В. Л. Попова, И. В. Тонких, А. Н. Куропаткина, М. И. Венюкова, Л. Г. Корнилова. Однако остаются до сих пор неясными вклады менее изученных военных специалистов, выполнивших специальные экспедиции во Внешнюю и Внутреннюю Монголию в начале XX в.

В 2014 г. московский монголовед Е. В. Бойкова опубликовала книгу «Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX – начало XX века)» [3], в которой были обобщены научные результаты военных экспедиций известных российских путешественников Н. М. Пржевальского, М. В. Певцова, П. К. Козлова, Г. Н. Потанина. Представлена информация о военной структуре России, системе подготовки военных востоковедов и методике ведения военных исследований (Д. А. Милютин, А. Е. Снесарев). Однако автор опирался на известный в историографии материал, ввёл мало новых сведений по биографиям военных специалистов, не были использованы архивные данные Военно-исторического архива и не привлечены оригинальные отчёты военных экспедиций, а использованы только опубликованные тексты. Трудно согласиться с выводом Е. В. Бойковой о том, что «они не были профессиональными востоковедами, не говоря уже о том, чтобы специально заниматься Монголией. Сегодня они могли исследовать одну страну, например, на Дальнем Востоке или в Центральной Азии, а потом отправиться в другой регион мира» [Там же, с. 10]. Известный исторический практический опыт показывает нам, напротив, об узкой специализации военных востоковедов, о получении ими специального образования в Восточном Институте во Владивостоке или специальных курсах, а практическая деятельность А. М. Баранова, В. Л. Попова, А. Д. Хитрово, И. В. Тонких свидетельствует о глубоком интересе к Монголии и Маньчжурии, изучении ими страны и монгольского языка, публикации основательных исследований о географии, экономике, культуре Монголии, а также определении национальных интересов России в данном регионе. Так, полковник А. М. Баранов являлся знатоком монгольского языка, составителем ряда словарей этого языка и научных публикаций по монгольской тематике, вошедших в «золотой» фонд мирового монголоведения.

В российской историографии появились многочисленные исследования по истории внешней и военной разведки и контрразведки России, имеющие различный уровень глубины изучения проблемы. Вопросы военных востоковедов и монголоведов нашли в них частичное отражение [3; 20; 23]. Опубликованы только отдельные статьи, посвящённые деятельности полковника А. Д. Хитрово (Е. А. Белов), полковника В. Л. Попова (Ю. В. Кузьмин, В. Г. Дацышен), Ф. К. Боржимского (Д. Макаров). Таким образом, полная картина научной и разведывательной деятельности военных

монголоведов России до сих пор не стала предметом специального научного исследования в России и заслуживает особого внимания историков. Не в полной мере изучен вклад российских офицеров в подготовке военных специалистов в Монголии и подготовке национальной революции 1911 г., освобождению Монголии от Цинского правления, формированию русско-монгольских отношений в 1911–1915 г.

Возобновилась и активизировалась работа по публикации дневников и материалов П. К. Козлова (А. И. Андреев, Т. И. Юсупова). Опубликованы «Дневники монголо-тибетской экспедиции» П. К. Козлова (2003) [8], «Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции, 1907–1909» (2015) [9]. Впервые дневники П. К. Козлова были изданы в полном объёме с ценными научными комментариями. Опубликована монография Т. И. Юсуповой «Путешествие как образ жизни: исследователь Центральной Азии П. К. Козлов» (2016) [26]. В Санкт-Петербурге периодически проводятся научные конференции, посвящённые военным востоковедам Российской империи.

Публикация значительного числа документов и исследовательских работ 1990–2000-е гг. о военных исследователях: Н. М. Пржевальском, В. И. Роборовском, Г. Н. Потанине, П. К. Козлове, А. Н. Куропаткине, К. Г. Маннергейме, Л. Г. Корнилове, Ф. К. Боржимском, А. Д. Хитрово, П. Н. Краснове значительно расширили представления о военно-исследовательской деятельности России в Центральной Азии и Монголии [19; 22].

Военно-исследовательская деятельность А. А. Баранова, В. Л. Попова, Ф. К. Боржимского, В. Ф. Новицкого, А. Д. Хитрово, Г. В. Кушелева, И. В. Тонких и других военных монголоведов заслуживает, по нашему мнению, дальнейшего специального исследования на монографическом уровне. В современной монгольской историографии и публицистике на слабой источниковедческой базе негативно и критически оценивается научная деятельность военных монголоведов, подчёркивается их разведывательная деятельность и колониальная направленность их деятельности (Ж. Урангуа, Ц. Цэрэн, Б. Баабар и др.). Таким образом, российская и монгольская историография показывает, что проблема научного вклада отечественных военных монголоведов требует внимательного и специального исследования и современная историческая мысль сможет решить данную проблему. Наличие исторических источников, их публикация позволит это осуществить достаточно полно, взвешенно и объективно.

Военные монголоведы предлагали собственную трактовку международной ситуации в регионе, оригинальную характеристику русско-монголо-китайских отношений и перспектив их дальнейшего развития. Данные оценки имеют самобытный характер в общественно-политической мысли России, существенно отличаются от оценок российских дипломатов, торговых деятелей центральной России и Сибири, учёных-монголоведов, журналистов, представителей различных партий России. Подавляющее большинство военных монголоведов и военных разведчиков видели серьёзную опасность в Китае, её экспансии в Монголию и предлагали сохранить Монголию как буферную территорию. «Жёлтая опасность» для России рассматривается как угроза национальным интересам нашей страны на Дальнем Востоке и Восточной Сибири.

Выделяются следующие исследования военных специалистов: полковника Генерального штаба А. А. Баторского «Монголия. Опыт военно-статистического очерка» (1890), полковника В. Ф. Новицкого «Путешествие по Монголии в 1906 г.» (1909), подполковника Барабаша «Записка о Монголии» (1884), капитана В. Л. Попова «Краткий предварительный отчёт об экспедиции в Монголию в 1903 г.» (1905), «Второе путешествие в Монголию 1910 г.», А. Н. Куропаткина «Русско-китайский вопрос» (1913), поручика Ю. Кушелева «Монголия и монгольский вопрос» (1912), капитана С. Д. Харламова «Монголия» (1914), капитана И. Тонких «Материалы по описанию Монголии» (1910), «Отчёт о поездке в Северную Монголию» (1913), ротмистра А. Баранова «Северо-Восточные сеймы Монголии» (1907), «Барга и Халха» (1905), «Урянхайский вопрос» (1913), подполковника Сафонова «Материалы по описанию Монголии» (1913), подполковника Полтавцева «Материалы для Монголии. Отчёт о поездке в Монголию в июле-октябре 1912 г.» (1913), сотника Дорофеева «Отчёт о поездке в Северо-Западную Монголию» (1912). Необходимо особо отметить научный вклад крупных военных монголоведов: полковника А. М. Баранова, составителя словарей и научных исследований Монголии, полковника В. Л. Попова, крупного исследователя Урянхая и «урянхайского вопроса», полковника А. Д. Хитрово – пограничного комиссара в Кяхте, оставившего ряд ценных исторических источников по истории русско-монгольских отношений начала XX в.

Комплексное изучение взглядов и оценок военных специалистов России позволит углубить современные представления о наци-

ональных интересах России, экономической безопасности нашей страны. Геополитические оценки российских военных деятелей международной ситуации в регионе Северо-Восточной Азии позволяют внести существенный вклад в мировую геополитику и скорректировать

преобладание в этой сфере только западных исследователей. Исследовательская деятельность военных аналитиков России позволяет говорить о самостоятельном и оригинальном развитии национальной военной теории и геополитики.

Список литературы

1. Басханов М. К. Русские военные востоковеды. Библиографический словарь. М.: Изд-во вост. лит., 2005. 295 с.
2. Басханов М. К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб.: Нестор-История, 2018. 632 с.
3. Бойкова Е. В. Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX – начало XX века). М.: ИВ РАН, 2014. 262 с.
4. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 368 с.
5. Есаков В. А. Михаил Иванович Венюков. 1832–1901. М.: Наука, 2002. 242 с.
6. Керсновский А. А. История русской армии: в 4 т. Т. 3. 1881–1915 гг. М.: Голос, 1994. 352 с.
7. Козлов П. К. Русский путешественник в Центральной Азии. Избранные труды. К столетию со дня рождения (1863–1963). М.: Изд-во Академии наук, 1963. 524 с.
8. Козлов П. К. Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции, 1907–1909. СПб.: Нестор-История, 2015. 424 с.
9. Козлов П. К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923–1926. СПб.: Наука, 2003. 1039 с.
10. Колесников А. А. Вклад русских военных исследователей в изучение Центральной Азии: вторая половина XIX – начало XX веков: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб., 1998. 72 с.
11. Колесников А. А., Кляшторный С. Г. Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX века). Алма-Ата: Наука, 1988. 221 с.
12. Колесников А. А., Кляшторный С. Г., Басханов М. К. Восточный Туркестан глазами европейских путешественников. Алма-Ата: Наука, 1991. 181 с.
13. Колесников А. А. Русские военные исследователи Азии. Душанбе: ДОНИШ, 1997. 315 с.
14. Кузьмин Н. П. Генерал Корнилов: Роман-хроника. М.: Воениздат, 1997. 512 с.
15. Кузьмин Ю. В. Монголия и Китай начала XX века в оценках военных исследователей. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. 132 с.
16. Кузьмин Ю. В. Монголия и Китай начала XX века в оценках российской военной разведки. Улан-Батор: [б. и.], 2007. 162 с.
17. Маннергейм К. Г. Мемуары. М.: Вагриус, 2003. 576 с.
18. Мери В. Маннергейм – маршал Финляндии. 1867–1951: пер. со швед. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 208 с.
19. Обручев В. А. Путешествия Потанина. М.: Молодая гвардия, 1953. 190 с.
20. Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. Т. 2. 1917–1933 годы. М.: Международные отношения, 1997. 272 с.
21. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сб. документов: в 2 ч. М.: Граница, 2019. Ч. 1. 360 с.
22. Семенов Г. М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М.: АСТ, 2002. 378 с.
23. Сергеев Е. Ю. Военная разведка России в борьбе против Японии, 1904–1905 гг. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. 219 с.
24. Смирнов А. А. Атаман Краснов. М.: АСТ, 2003. 368 с.
25. Хисамутдинов А. А. Владимир Клавдиевич Арсеньев. 1872–1930. М.: Наука, 2005. 224 с.
26. Юсупова Т. И. Путешествие как образ жизни: исследователь Центральной Азии П. К. Козлов. СПб.: Нестор-История, 2016. 164 с.

Сведения об авторе

Кузьмин Ю. В. – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, Kuzminuv@yandex.ru

Kuzmin Yu. V. – Doctor of History, Docent, Professor of the Department of World Economy and Economic Security, Baikal State University, Irkutsk, Russia, Kuzminuv@yandex.ru

.....

УДК 94(571.55)

К вопросу о первых столкновениях «каппелевцев» с партизанами в Восточном Забайкалье весной 1920 года

Денис Александрович Таскин

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

taskins@yandex.ru

В статье рассматриваются боевые действия частей бывших колчаковских армий (т. н. каппелевцев) против партизан Восточного Забайкалья весной 1920 г. Выявляются проблемные вопросы, связанные с численностью прибывших в Забайкалье каппелевских войск, установлением отдельных каппелевских частей, действовавших в боях за Сретенск. С помощью сравнительного анализа мемуаров офицеров каппелевцев и забайкальских партизан впервые определены наименования и номера, противостоящих друг другу частей в отдельных сражениях.

Ключевые слова: партизаны, Восточное Забайкалье, гражданская война, белое движение, документы, каппелевцы

On the Question of the First Clashes of the “Kappelevtsy” with the Partisans in Eastern Transbaikalia in the Spring of 1920

Denis A. Taskin

Transbaikal State University, Chita, Russia

taskins@yandex.ru

The article discusses the military actions of units of the former Kolchak armies (the so-called Kappellevtsy) against the partisans of Eastern Transbaikalia in the spring of 1920. The problematic issues related to the number of Kappel troops who arrived in Transbaikalia, the establishment of separate Kappel units that operated in the battles for Sretensk are revealed. With the help of a comparative analysis of the memoirs of the Kappel officers and Transbaikal partisans, the names and numbers of opposing units in individual battles were determined for the first time.

Keywords: Partisans, Eastern Transbaikalia, Civil War, White Movement, Documents, Kappellevtsy

Осенью 1919 г. для партизан Восточного Забайкалья настали трудные времена. Их активность летом привела к тому, что размах партизанского движения в междуречье Шилки и Аргуни всерьёз обеспокоил и атамана Г. М. Семенова и его японских союзников. Особенную нервность белых вызывала угроза Транссибу. Поэтому в августе части Семенова и японцев начали крупную войсковую операцию, в результате которой к концу сентября партизанские силы были окружены в селе Богдаты – партизанской столицы Восточного Забайкалья. После крупнейшего в истории Гражданской войны в Забайкалье трёхдневного сражения партизанским полкам удалось вырваться из окружения. Части «семеновцев» и японцев преследовать их не стали. Партизаны хотя понесли потери и оказались отеснены от своих баз, сумели сохранить организационную структуру и командный состав. Впрочем, это не мешало атаману Г. М. Семенову заявить о крупной победе над партизанами.

Совершенно по-иному в это же время обстояло дело у армий «Верховного правителя

России» А. В. Колчака. Попытка весеннего наступления на Москву провалилась и осенью 1919 г. колчаковские полки неудержимо катились на Восток. Крупные города Сибири один за другим оказывались в руках красных. В ноябре остатки колчаковских армий под общим командованием генерал-лейтенанта В. О. Каппеля, двигаясь к Иркутску, планировали сходу захватить его, освободить А. В. Колчака и, установив связь с Г. М. Семеновым, создать совместный фронт [5, с. 107]. Однако этим планам не суждено было сбыться. В. О. Каппель скончался 25 января 1920 г. недалеко от разъезда Утай и воинские соединения, получившие неофициальное название «каппелевцы», дальше повёл генерал С. Н. Войцеховский. Им не удалось захватить Иркутск и освободить А. В. Колчака. Поэтому С. Н. Войцеховскому не оставалось ничего другого как вести свои части в Читу. К середине марта 1920 г. все соединения каппелевцев оказались в Чите [23, с. 371].

Здесь они были переформированы в два корпуса, получившие порядковые номера 2-й и 3-й корпуса. Первый корпус составили соб-

ственно семеновские части [12, с. 215]. Во второй корпус под командованием генерал-лейтенанта Г. А. Вержбицкого вошли:

– Иркутская стрелковая дивизия генерала А. В. Бордзиловского в составе: Воткинско-го стрелкового полка полковника Б. Э. Ваха, Иркутского стрелкового полка полковника В. А. Ракитина, Тобольского стрелкового полка полковника К. Д. Атавина, Красноуфимского конного дивизиона полковника Хромова и Воткинского артиллерийского дивизиона полковника Смолянинова;

– Омская стрелковая дивизия генерала И. С. Смолина в составе: 13-го Омского стрелкового полка полковника Н. А. Мельникова, 16-го Ишимского стрелкового полка полковника А. Г. Метелева и 3-го Барнаульского стрелкового полка полковника В. А. Богословского, конно-егерского дивизиона полковника М. М. Манжетного. К дивизии был приписан Сибирский казачий полк полковника Ф. Л. Глебова. Также в дивизию входила Отдельная добровольческая бригада в составе: 1-го Добровольческого стрелкового полка, 3-го Сводно-добровольческого отдельного конного дивизиона и артиллерийского дивизиона [17, с. 93–94]. Общая численность корпуса составила 4 600 чел. Кроме того, ему была придана 1-я кавалерийская дивизия генерала Д. Я. Миловича в 600 сабель [24, с. 371].

В третий корпус (изначально командующим был назначен генерал К. В. Сахаров, но уже в конце марта 1920 г. на этом посту его сменил В. М. Молчанов) [5, с. 141] вошли:

– Уфимская стрелковая дивизия генерала Р. К. Бангерского в составе: 4-го Уфимского стрелкового полка полковника Г. К. Сидамонидзе, 8-го Камского стрелкового полка полковника В. Е. Сотникова, 12-го Уральского стрелкового полка полковника Мусницкого, Уфимского конного полка полковника Саблина и Уфимского артиллерийского дивизиона;

– Сводная стрелковая дивизия генерала А. В. Круглевского в составе: Ижевского стрелкового полка и кавалерийского дивизиона полковника А. Г. Ефимова, Уральского стрелкового полка и кавалерийского дивизиона полковника П. Е. Глудкина, Сводного артиллерийского дивизиона полковника Л. Х. Бек-Мамедова;

– Волжская сводная имени генерала Капеля бригада под командованием генерала Н. П. Сахарова в составе: Волжского стрелкового полка генерала М. Ф. Ястребцова, Волжского драгунского полка генерала К. П. Нечаева и Волжский артиллерийский дивизион полковника Горинова;

– Енисейская казачья бригада генерала И. Н. Потанина в составе: 1-го Енисейского ка-

зачьего полка есаула А. Н. Муратова, 2-го Енисейского казачьего полка есаула И. М. Шабалина и енисейской казачьей отдельной артиллерийской батареи есаула Н. И. Войщева;

– Отдельная Оренбургская казачья бригада генерала В. В. Панова в составе: 1-го конного полка генерала В. А. Бородина, 2-го конного полка полковника И. Г. Королькова, пешего дивизиона полковника Н. Н. Титова и артиллерийской батареи полковника М. Ф. Воронина [17, с. 95]. Всего в корпусе числилось 17 600 бойцов [24, с. 373]. К нему была придана Волжская отдельная кавалерийская бригада численностью в 400 сабель. Общая численность каппелевцев в Забайкалье к началу апреля 1920 г. составила 25 250 штыков и сабель [Там же, с. 374]. В то же время генерал В. М. Молчанов в своих мемуарах указывает, что на самом деле бойцов было не более 10 000 чел., а остальные это беженцы и семьи [11, с. 164]. Генерал П. П. Петров говорит о 15 тысячах бойцов [14, с. 157], а участник событий И. И. Серебренников [16, с. 45] о 45 тыс. Таким образом, вопрос о численности прибывших в Забайкалье воинских контингентов каппелевцев требует дальнейшего изучения. Общее командование корпусами возлагалась на генерал-майора С. Н. Войцеховского, который стал командующим войсками Российской Восточной окраины.

К этому времени забайкальские партизаны не только оправались от поражений осени 1919 г., но и значительно пополнив свою численность, перешли к активным действиям. Ключевой точкой начала 1920 г. стал Сретенск. В январе подпольной группой седьмой пехотной роты 29-го Троицкосавского полка, базировавшегося в Сретенске, было подготовлено восстание. Целью его было освобождение Сретенска от войск атамана Семенова и японских частей. Об этом подпольщики известили командование 7-го партизанского кавалеристского полка, который выдвинулся в сторону Сретенска, но к началу восстания, которое началось 28 января, не успел. Восставшие, убив несколько офицеров, заняли правобережную часть города, но не смогли овладеть железнодорожной станцией, где находились японский и два семеновских бронепоезда. После этого мятежные части ушли из города и в районе деревни Лоншаково соединились с партизанами. Позднее из них был сформирован 2-й партизанский пехотный полк под командованием Н. М. Неволлина [15, с. 89]. У крупнейшего исследователя Гражданской войны в Забайкалье В. И. Василевского в работе «Забайкальская белая государственность» вышедшей в 2000-м г. указывается, что восставших было пятьсот че-

ловек [2, с. 151]. Однако в книге «Забайкальское казачье войско в годы революции и гражданской войны», вышедшей в 2007 г., В. И. Василевский пишет, что восставших было более двухсот человек [3, с. 139]. Такое разночтение в численности восставших нуждается в дальнейшей детальной проработке.

После этого восстания, в течение февраля партизанские отряды ещё несколько раз пытались атаковать Сретенск, но взять город не смогли. В этих боях погибли командиры 7-го партизанского полка Ф. А. Погодаев и Д. Я. Анциферов, а также командующий партизанским фронтом П. А. Журавлев. Опасность потерять важный стратегический пункт, заставила белое командование принимать срочные меры для усиления группировки, противостоящей партизанам в Восточном Забайкалье. Для этого в район Сретенска был переброшен 2-й корпус Г. А. Вержбицкого. Однако вопрос о времени прибытия корпуса и участия его частей в боях за Сретенск остаётся открытым. Так В. И. Василевский писал, что части Омской дивизии заняли боевые позиции в районе станции Укурей уже в марте [2, с. 144]. Поручик А. М. Смирнов, который служил во входившей во второй корпус Иркутской дивизии под командованием А. В. Бордзиловского, в своих мемуарах отмечал, что после прибытия на станцию (А. М. Смирнов не указывает её названия) к командующему корпусом Вержбицкому прибыл командир 4-го Забайкальского казачьего полка Токмаков. Он сообщил, что его части под нажимом партизан были вынуждены покинуть станцию Укурей и отступить на станцию Куэнга [18, с. 232]. В связи с этим, не совсем ясно какие именно части обороняли станцию Укурей. Далее А. М. Смирнов сообщает, что дивизия Бордзиловского со станции отправилась в Сретенск, а оттуда обратно в Нерчинск при этом описание боевых действий в Сретенске у А. М. Смирнова отсутствуют.

В ночь на 4 апреля партизаны начали наступление на Сретенск. С юга на город наступали 2, 5, 6 и 10-й кавалерийские полки при 22 станковых и 3 лёгких пулемётах и артиллерийского дивизиона, состоящего из восьми орудий под общим командованием М. М. Якимова. С востока Сретенск атаковали два кавалерийских полка, 2-й пехотный полк и одна артиллерийская батарея под командованием И. Е. Фадеева [21, с. 84]. В воспоминаниях партизана М. Г. Ушакова указывается, что город оборонял корпус генерала Сахарова, два казачьих полка, батальон семеновской пехоты и японский гарнизон [19, с. 78]. Возможно, что под корпусом Сахарова, автор имел вви-

ду Волжскую сводную, имени генерала Капеля, бригаду под командованием генерала Н. П. Сахарова. Однако точными сведениями о местах действия этой боевой части мы не располагаем. В то же время в мемуарах А. М. Смирнова, который служил в Иркутской дивизии второго корпуса упоминания о боевых действиях в Сретенске, отсутствуют. Но тогда возникает вопрос: «Какие именно части каппелевцев участвовали в этих боях?» Частичный ответ на него можно найти в мемуарах того же М. Г. Ушакова. Описывая действия южной группы партизан, он отмечает, что «2, 5, 10-й кавалерийские полки вышли к устью Куренги и решительно атаковали каппелевцев в Затоне и селении Матакан и выбили их из указанных пунктов. Каппелевцы бежали в панике на запад в сторону Кокуя, побросав большое количество вооружения и разного имущества. Здесь партизаны захватили 16 станковых пулемётов, 37 ручных пулемётов, 250 винтовок, около миллиона патронов 50 подвод с военным имуществом, в том числе канцелярию генерала Пепеляева» [19, с. 61]. И. Фадеев в своих воспоминаниях отмечает, что помимо этого, партизаны захватили ещё и канцелярию «штаба Сибирского фронта» [20, с. 124]. Очевидно, что речь идёт о генерал-лейтенанте Анатолии Николаевиче Пепеляеве и его 1-й Сибирской армии.

В начале декабря 1919 г. А. Н. Пепеляев – командующий 1-й Сибирской армией, планировал оборонять Томск, но 16 декабря был вынужден отдать приказ об эвакуации своих частей. Однако большинство из них приказу не подчинились и перешли на сторону красных [10, с. 232]. Остатки 1-й Сибирской армии, отягощённые беженцами и семьями солдат и офицеров, добрались до Мариинска. Там А. Н. Пепеляев смог сформировать из них отряд численностью чуть более 4 тысяч человек [Там же, с. 237]. Под Красноярском он заболел тифом и в Читу прибыл из Верхнеудинска, куда его в своём эшелоне доставили чехи. 11 марта 1920 г. С. Н. Войцеховский после встречи с А. Н. Пепеляевым издаёт приказ о создании Сибирского партизанского отряда под его командованием [Там же, с. 248]. По замыслу А. Н. Пепеляева он должен был стать добровольным воинским соединением. Во главе этого отряда, состоявшего из двух сотен, артиллерийской батареи и пулемётной команды, Пепеляев принял участие в бою под Сретенском с наступавшими красными партизанами [Там же, с. 250]. Однако в доступной нам литературе нет упоминаний о результатах этого боя. Поэтому мы можем лишь предположить, что «каппе-

левцы», разгромленные партизанами в районе Затона, были Сибирским партизанским отрядом генерала Пепеляева.

С другой стороны, в некоторых публикациях упоминается, что в районе Затона был практически полностью уничтожен каппелевский полк, [21, с. 222; 22, с. 85]. Если принять во внимание, что одним из первых подразделений каппелевцев, выдвинувшихся на борьбу с партизанами, была Омская дивизия, то можно предположить, что этим полком стал входивший в её состав 3-й Барнаульский сибирский стрелковый полк. Дело в том, что этот полк входил в 1-ю Сибирскую армию А. Н. Пепеляева, и единственным из всех её частей добрался до Читы, сохранив организационную структуру [6, с. 154]. Кроме того, в воспоминаниях командира полка А. И. Камбалина есть упоминание о том, что на Енисее они выбрали коменданта штаба 1-й Сибирской армии капитана Краснова с денежным ящиком и группой людей личного конвоя генерала Пепеляева [Там же, с. 135]. Можно предположить, что в полк попали и ещё какие-то документы штаба 1-й Сибирской армии, принятые позже партизанами за «канцелярию генерала Пепеляева». Таким образом, для точного определения каппелевской воинской части, действовавшей в районе Затона во время боев за Сретенск в начале апреля 1920 г., требуется дальнейшее исследование.

Стремительное наступление партизанских полков принесло успех. Белые части были вытеснены на левый берег Шилки, оставив под своим контролем железнодорожную станцию. На ней находился японский бронепоезд и японские войска. Командование партизан, заняв город, обратилось к японцам с предложением не вступать в сражение и гарантировало им полную неприкосновенность [1, с. 147]. Однако японцы отказались от предложения партизан. 5 апреля к белым прибыло подкрепление из Нерчинска и партизаны, не приняв боя, отошли в район сел Фарково и Копунь. Можно предположить, что этим подкреплением были части второго корпуса под командованием Вержбицкого и, в частности, Иркутская дивизия. И именно эта поездка нашла своё отражение в воспоминаниях поручика А. М. Смирнова [18, с. 232].

7 апреля начинается крупное контр наступление белых. Удары наносились по сходящимся направлениям – от Казаковского промысла на Жидку и от Сретенска на Копунь [2, с. 145]. Конечной целью операции было окружить партизанские части, сосредоточившиеся в районе Копуни и отрезать их от Богдаты. В. И. Василевский указывает, что в наступлении участвуют казачьи полки, японский пехотный полк и тре-

тий корпус, но последнее утверждение, видимо, является ошибочным. В воспоминаниях каппелевцев отражено, что части третьего корпуса в это время участвовали в боях под Читой против наступающих частей Народно-революционной армии Дальневосточной республики, а против партизан Восточного Забайкалья действовал второй корпус каппелевцев [8; 11; 14; 24]. Возможно, что отдельные части третьего корпуса могли принимать участие в этих боях, но этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Части под командованием Г. А. Вержбицкого (Сибирский казачий полк, Иркутская дивизия, Добровольческая бригада, Оренбургский казачий полк, 7-й Забайкальский казачий полк, 2-я Забайкальская казачья батарея) получили приказ начать наступление от станции Колобово и, заняв Жидку, Шивию и Шелопугино осуществить обхват Копуни, захватив правым флангом Тонтой [18, с. 233]. Можно предположить, что на втором направлении от Сретенска на Копунь действовала Омская дивизия и Сибирский партизанский отряд А. Н. Пепеляева, хотя это утверждение требует дополнительного изучения.

Первоначально Г. А. Вержбицкому способствовала удача. Белым удалось достичь поставленных целей и занять Жидку, Шивию и Шелопугино. Последний населённый пункт оказался под контролем Добровольческой бригады и Сибирского казачьего полка. Оперативный штаб партизан под командованием Я. Н. Коротаева, стремясь перехватить инициативу, разработал план, который предусматривал разгром противника по частям. В ночь на 12 апреля 2-й кавалерийский партизанский полк и 3-й пехотный полк революционной молодёжи неожиданным ударом выбили противника из Шелопугино и близлежащих сел Купряково и Гора [19, с. 64]. В результате, тяжёлые потери понесли Добровольческая бригада и Сибирский казачий полк, у которых партизаны захватили обозы, 3-дюймовое орудие и 40 пулемётов [18, с. 234]. Развивая наступление, в ночь на 18 апреля партизанские части под общим командованием М. М. Якимова атаковали белых. 3-й пехотный полк и два эскадрона кавалерии наступали на Жидку, 10-й кавалерийский полк на Куникан, 6-й кавалерийский полк на Колобово и Лукино, а 11-й кавалерийский полк на Усть-Ягье и Тергень [19, с. 66]. Однако разыгравшаяся буря [13, с. 8] не позволила партизанам провести атаку по плану. Бой за населённые пункты завязался только утром, а не ночью как планировалось [19, с. 67]. Впрочем, это не помешало партизанам выбить белых из намеченных населённых пунктов. Соединения каппелевцев под

командованием И. С. Смолина (части Омской дивизии) и А. В. Бордзиловского (части Иркутской дивизии и 16-й Ишимский полк) отступили в Бянкино и Троицкое соответственно [18, с. 234]. Получив сведения о прибытии японских подкреплений из Нерчинска, белые начали контрнаступление, стремясь отбить потерянные населённые пункты, но в районе села Казаковский промысел столкнулись с наступающими красными частями. В результате завязавшегося боя ни одна из сторон овладеть населённым пунктом не смогла [Там же, с. 236].

Во время этих событий, 20 апреля в Жидке начинает свою работу второй съезд забайкальских партизан [4]. Из-за наступления на Жидку (взята 23 апреля) [2, с. 145] белых и японцев съезд был вынужден заканчивать свою работу в Копуне. На съезде при участии 128 делегатов было принято решение об объединении Восточно-Забайкальского и Амурского фронтов в единый Амурский фронт. Это решение подтверждало приказ войскам НРА Забайкалья об объединении партизанских отрядов во фронты. В приказе, в частности, отмечалось, что «район ст. Оловянная, ст. Онон, Нерчинска, Нерчинского Завода, Сретенска и Благовещенска именовать Амурским фронтом» [23, с. 103]. Командующим фронтом был избран Д. С. Шилов, начальником штаба К. Я. Лукс, командующим 1-м Забайкальским корпусом и всей повстанческой армией Восточного Забайкалья Я. Н. Коротаев. Эта армия включала в себя 1-ю дивизию под командованием М. М. Якимова и 2-ю дивизию под командованием П. И. Ведерникова [9, с. 145].

24 апреля партизанские части оставили Копунь и отступили в верховья реки Куренги, где на совещании командного состава было принято решение из-за трудности снабжения боеприпасами двигаться поближе к партизанским базам на реку Газимур [19, с. 67]. В этот же день в Нерчинском Заводе произошло вос-

стание еврейской и первой роты 32 стрелкового полка [2, с. 145]. При поддержке 4-го кавалерийского партизанского полка под командованием С. И. Толстокулакова восставшим удалось выбить из города лояльные Семенову части и занять его.

По данным В. И. Василевского [Там же, с. 145] в это же время Второй корпус каппелевцев, японская пехота и конная группа генерала Мациевского наступали на станцию Пашенная. Им удалось занять не только её, но и станцию Укурей, разъезд Алеур и села Старый и Новый Олов. Однако 24 апреля партизаны атаковали Алеур и выбили из него партизанский отряд А. Н. Пепеляева, Первый казачий полк и, развивая успех, сумели вернуть станцию Укурей. В связи с тем, что в работе В. И. Василевского отсутствует ссылочный аппарат, а в доступной нам литературе подробной информации об этих боях практически нет, то необходимо дальнейшее изучение этого вопроса.

К началу мая активные боевые действия практически прекратились. Понесённые каппелевскими частями потери и отсутствие подкреплений не позволили им продолжить наступление. Партизаны хоть и оказались оттеснены на реку Газимур, в течение мая сумели занять оставленные белыми частями населённые пункты в треугольнике между Шилкой, Аргунью и железной дорогой на Маньчжурию [19, с. 71]. Несмотря на переменчивые успехи в боевых действиях, партизанское командование по достоинству оценило каппелевские части, подчёркивая их «крепкую силу» в сравнении с семеновскими войсками [7, с. 50].

Проведённое исследование показало недостаточную изученность боевых действий белых против партизан Восточного Забайкалья весной 1920 г. Изучение этой темы с привлечением архивных источников, позволит шире раскрыть историю вопроса пребывания каппелевских частей на территории Забайкалья.

Список литературы

1. Василевский В. И. К вопросу о японской интервенции в Забайкалье // Архивный вестник Забайкальского края. 2013. № 4. С. 141–148.
2. Василевский В. И. Забайкальская белая государственность. Чита: Поиск, 2000. 182 с.
3. Василевский В. И. Забайкальское казацье войско в годы революции и гражданской войны. Чита: Читинская региональная организация Российского общества историков-архивистов, 2007. 174 с.
4. Василевский В. И. Фронтные съезды. Текст: электронный // Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=5328> (дата обращения: 28.03.2023).
5. Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. М.: Русский путь, 2003. 240 с.
6. Камбалин А. 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк в сибирском Ледяном походе // Сибирские огни. 2010. № 2. С. 112–162.
7. Киргизов С. С. Партизанское движение в Восточном Забайкалье // Красногвардейцы и партизаны: сб. воспоминаний участников Гражданской войны в Забайкалье. Чита: Читинское кн. изд-во, 1957. С. 45–50.

8. Кислицын В. А. В огне Гражданской войны. Харбин: [б. и.], 1936. 113 с.
9. Кожевин В. Е. Дмитрий Шилов. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1979. 184 с.
10. Ларьков Н. С. Сибирский белый генерал. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2017. 312 с.
11. Молчанов В. М. Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М: АЙРИС-пресс, 2012. 399 с.
12. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М: Центрполиграф, 2005. 414 с.
13. Одна из Пасх... // Зов казака. Издание штаба Союза казаков на Дальнем Востоке. Харбин: [б. и.], 1938. С. 8.
14. Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига: [б. и.], 1930. 250 с.
15. Плотников Г. Г. В Шилкинской долине // Красногвардейцы и партизаны: сборник воспоминаний участников Гражданской войны в Забайкалье. Чита: Читинское кн. изд-во, 1957. С. 87–92.
16. Серебренников И. И. Великий отход: Рассеяние по Азии белых Русских Армий. 1919–1923. Харбин: Изд-во М. В. Зайцева, 1936. 267 с.
17. Симонов Д. Г. Антибольшевистские Вооруженные силы Российской восточной окраины (1920 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. Новосибирск: Параллель, 2015. Вып. 6. С. 83–106.
18. Ситников М. Г., Вебер М. И. «В военном деле, если что когда-либо и знал, то давным-давно всё позабыл»: доклад поручика А. М. Смирнова о генерал-майоре А. В. Бордзиловском. Текст: электронный // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2016. № 1. С. 177–344.
19. Ушаков М. Г. По долинам и по взгорьям... Чита: Кн. изд-во, 1960. 78 с.
20. Фадеев И. Е. Сретенская ошибка // Партизаны: сб. ст. партизанских и красногвардейских воспоминаний, исторических документов и боевых песен – посвященный трехлетней героической борьбе рабочих и крестьян Забайкалья за власть Советов. Чита: Печатное дело, 1929. 205 с.
21. Чащин А. И. По следу 7-го кавалерийского полка // Забайкальский исторический журнал «Хронограф». Чита, 2022. С. 65–90.
22. Черенщиков О. Ю., Чащин А. И. Революционное противостояние // Сретенск. Альбомная серия «Энциклопедия Забайкалья». Чита: ЗабГУ, 2014. С. 212–227.
23. Шли дивизии вперед. Народно-революционная армия в освобождении Забайкалья (1920–1921): сб. документов Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. 488 с.
24. Щепихин С. А. Великий сибирский поход. Воспоминания. М.: Воевода, 2020. 512 с.

Сведения об авторе

Таскин Д. А. – аспирант историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, taskins@yandex.ru

Taskin D. A. – Postgraduate Student of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, taskins@yandex.ru

.....

УДК 908:2-472(571.55)

**Алексей Кириллович Кузнецов
и Государственная политическая охрана (ГПО)
Дальневосточной республики (ДВР) (1920–1922)**

Александр Олегович Баринов, г. Чита, Россия

ao.barinov@yandex.ru

В статье обобщены и проанализированы данные о непростой истории взаимоотношений выдающегося краеведа и музейоведа, общественного и политического деятеля Алексея Кирилловича Кузнецова и филиала ВЧК в Дальневосточной республике (ДВР), который назывался Государственной политической охраной, сокращенно Госполитохран (ГПО). До недавнего времени считалось, что именно в период ДВР деятельность А. К. Кузнецова на посту директора Читинского краеведческого музея максимально поддерживалась государственными органами, а его личная жизнь была абсолютно безоблачна. Оказалось, что это было далеко не так или совсем не так.

Ключевые слова: музей, государственная безопасность, репрессии, аресты, обыски, Государственная политическая охрана, Дальневосточная республика, Алексей Кириллович Кузнецов

**Alexey Kirillovich Kuznetsov
and the State Political Protection (SPO)
of the Far Eastern Republic (FER) (1920–1922)**

Alexander O. Barinov, Chita, Russia

ao.barinov@yandex.ru

The article summarizes and analyzes data on the difficult history of the relationship between the outstanding local historian and museologist, public and political figure Alexei Kirillovich Kuznetsov and the branch of the Cheka in the Far Eastern Republic (FER), which was called the State Political Guard, abbreviated Gospolitohran (SPO). Until recently, it was believed that it was during the period of the DVR that the activities of A. K. Kuznetsov as director of the Chita Museum of Local Lore were maximally supported by state bodies, and his personal life was absolutely cloudless. It turned out that this was far from the case or not at all.

Keywords: *Museum, State Security, Repression, Arrests, Searches, State Political Protection, Far Eastern Republic Alexey Kirillovich Kuznetsov*

Алексей Кириллович Кузнецов (1845–1928) – личность не просто историческая, хорошо известная не только в Забайкалье, но и легендарная, даже в чём-то культовая. Просветитель, основавший краеведческие музеи Нерчинска и Читы, краевую библиотеку, отделение Российского географического общества, он был из плеяды народников, реально служивших своему народу. 28-летним Кузнецов был осужден по делу Нечаевской организации и убийства студента Иванова. Его приговорили к смертной казни, которую заменили каторгой на Нерчинскую каторгу. Второй раз его приговорили к смертной казни после подавления «Читинской республики» 1905–1906 гг. В те дни он был едва ли не главным публичным организатором антиправительственных митингов и демонстраций. И вновь её по просьбам общественности заменили каторгой и ссылкой в Якутию. Потом на него в конце 1920-х гг. завели дело в ОГПУ, из-за которого он вынужден был покинуть Читу. Но здоровье было уже не то, и в возрасте 83 лет его не стало.

Имя Кузнецова с 1928 по 1940 г. носила одна из центральных улиц города, на которой и по сей день расположен, созданный им краеведческий музей. Этот музей ещё при его жизни, как раз в период ДВР, в 1921 г. получил его имя. Но в 1940 г. улице дали имя большевика И. В. Бабушкина, а музей лишили имени Кузнецова. Только в 1990-е гг. по инициативе коллектива музея вернули имя основателя. А в 2018 г. рядом со зданием Государственного архива Забайкальского края был торжественно открыт памятник А. К. Кузнецову. Его биографические справки вошли не только в большую «Энциклопедию Забайкалья», но и в три тома «Малой Энциклопедии Забайкалья» («Культура», «Археология» и «Наука и образование») [4, с. 400–401; 5, с. 462–463; 9, с. 158; 10, с. 185–186].

Приехав в Забайкалье молодым и холостым человеком, отправленным сюда на каторгу (он был членом кружка Нечаева), он здесь нашёл и личное счастье (женился и вырастил массу детей), и именно здесь стал выдающимся учёным, музееведом и общественным деятелем. Больным и пожилым (ему было уже за 70 лет) он был отправлен в ссылку в Якутию, где также помог в столице региона в развитии краеведческого музея. Перед Первой мировой войной вернулся в Читу и снова возглавил краеведческий музей. И каким-то чудом Алексей Кириллович не дал разграбить музей ни после Февраля и Октября 1917 г., ни при власти атамана Семёнова, ни в период ДВР.

В 2020 г. к очередному юбилею Алексея Кирилловича, по заданию директора Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова В. К. Колосова, Надеждой Закаблуковской и автором этой статьи была написана и издана книга, в которой впервые была предпринята попытка максимально полно представить его биографию [2].

До этого почти все научные и научно-популярные статьи, посвящённые его жизни и деятельности, как правило, базировались на двух основных источниках. Во-первых, на его автобиографии, опубликованной в конце 1920-х гг. в Энциклопедическом словаре издательства «Гранат» (переизданном в 1989 г.) [6, с. 126–133], а, во-вторых, подготовленной Н. Н. Жуковым его биографии в брошюре «Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова» [3], изданной в Чите сразу после его смерти. Сам Алексей Кириллович, вспоминая события периода жизни в «буферной республике», акцентировал внимание на том, что тогда все музеи ДВР стали государственными, а Читинскому музею было присвоено его имя, он сам же получил пожизненную пенсию в размере 600 р. [6, с. 133].

И в первом, и во втором случае, о том, что и в условиях ДВР у него возникали проблемы с органами госбезопасности, ничего не было сказано. Поэтому и в нашей книге об этом также ничего не было сказано. Однако дальнейший поиск информации показал, что и в условиях ДВР у него несколько раз возникали серьёзные проблемы. Об этом и пойдёт речь в этой статье.

25 октября 1920 г. в Читу из Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ) приехало первое правительство ДВР. С 28 октября по 11 ноября в новой столице прошла объединительная конференция региональных правительств республики, на которой по сути дела и была создана действительно ДВР. Сюда же переехала и Госполитохрана (ГПО) – филиал ВЧК в ДВР.

Вот с этой-то организацией вскоре и пришлось столкнуться Алексею Кирилловичу Кузнецову. Но сначала в официальной газете «Дальне-Восточная Республика» была напечатана пара критических заметок, которые смело можно назвать доносами. Первая называлась «Удивительный порядок», вторая – «Нетерпимое явление» [7; 11].

В первой жаловались, что музей открыт «для публики» всего два часа в неделю, а именно по воскресеньям, в остальное же время этот «храм археологии почему-то закрыт» [11]. И вот в очередное воскресенье музей оказался закрыт и на эти два часа. «Разочарованная публика, среди которой было много пришедших по морозу из отдалённых частей города разошлась обратно до следующего воскресенья...» [Там же].

Вторая была ещё круче. Опять же анонимный автор возмущался тем, что ему как-то удалось увидеть в закрытом для публики музее: «Минералогические витрины лишены объяснительных ярлыков и представляют простое собрание разных камней, ничего не говорящих посетителям. Археологический материал свален кучами и обильно уснащён пылью, тоже и с этнографическими и большинством других коллекций. 75 % стёкол на витринах не существует и многое несомненно расхищается, например, в открытых стеклянных вазах выставлены осколки кремневых орудий каменного века... Валяются как попало исторические фотографии – уникальные виды Забайкальской каторги» [7].

Вывод был очевиден: «Необходимо принять скорейшие меры к спасению ценного имущества музея от вандализма, расхищения. Необходимо уберечь ценное культурное учреждение» [Там же].

Эти публикации стали своего рода «прелюдией» к последующим событиям. При этом хочется подчеркнуть, что не сами события, произошедшие в музее, а именно заметки в «Дальне-Восточной Республике», заставили Кузнецова придать гласности произошедшую историю, вступив, таким образом, в публичный конфликт с Госполитохраной.

9 декабря в той же газете уже сам А. К. Кузнецов опубликовал «Письмо в редакцию», в котором предельно подробно расписал то, что произошло накануне того самого воскресенья, когда «публика не смогла попасть в музей», а именно 25 и 26 ноября. В эти дни в музее и библиотеке Госполитохрана ДВР устроила обыски [1].

«Мой помощник А. В. Харчевников 25 был арестован и отправлен в госполитохрану, где просидел 4 суток, – писал старый революционер. – Мне совершенно неграмотный солдат, руководивший обысками, представил «ордер», а потом заявил: «ты арестован», и я до 3 часов следующего дня, т. е. до окончания обыска находился под домашним арестом. Ночью 26 ноября конфискованное оружие разных образцов и систем, а также отобранное имущество моего помощника – было вывезено. В настоящее время получено разрешение от директора Госполитохраны на возвращение всего взятого обратно в Музей. 26 ноября обыск в музее и библиотеке продолжался, при чем разобраны запечатанные охотничьи коллекции принятые мною на хранение от гр. Н. А. Михайловского на тех же основаниях, как хранятся в музее геологические коллекции гр. Я. А. Макарова, энтомологические коллекции гр. В. А. Юркевича и др. Охотничьи коллекции гр. Михайловского были арестованы, но не вывезены тотчас же из помещения музея, а были оставлены на мою ответственность, в чем я выдал расписку. И только вечером 30 ноября было мной получено из Госполитохраны разрешение на выдачу их гр. Михайловскому, после чего он их и вывез из музея. В таких условиях открывать музей для публики в воскресенье 28 ноября было невозможно; 30 ноября мною было допущено даже очередное посещение музея военной просветительской организацией» [Там же].

Далее Кузнецов дал пояснения и по другим обвинениям: «Относительно же того, что музей открыт два часа в неделю сообщаю, что как показал опыт, открывать музей для публики на 2 часа по воскресеньям вполне достаточен. Для лиц же работающих – двери музея открыты каждый день. Кроме того, в назначенные дни, музей посещают дети всех школ Читы и окрестностей со своими учителями. В насто-

ящее время музей посещается чуть не каждый день военными культурно-просветительными организациями, как это можно например видеть из объявления (газета «Боец» 30 ноября 1920 г.) Политпросвет поарма (политического управления армии – А. Б.)» [1].

Редакция газеты после этого письма вынуждена была напечатать своё примечание: «Заметка вызвана объявлением, красовавшимся на дверях музея в указанный день» [Там же].

27 декабря 1920 г. состоялось постановление Совета министров ДВР об объявлении всех музеев на Дальнем Востоке государственным достоянием с передачей их в ведение министерства народного просвещения. Тогда же впервые в истории музея были введены штаты его сотрудников, о чём прежде те, кто сотрудничал с музеем, даже не мечтали.

Казалось бы, на этом проблемы учёного с органами госбезопасности должны были завершиться. Но в 1921 г. в музее произошёл очередной обыск.

«Около 12 часов ночи с 27 на 28 марта с. г. был произведён обыск в квартире при Музее, занимаемой Председателем Географического Общества, Директор Музея А. К. Кузнецовым и Правителем дел, Помощником Директора Музея А. В. Харчевниковым, – писала издававшаяся всего полгода «внепартийная» газета «Жизнь». – Группа в 5–6 человек, одетых в форму, в папахах, постучали и потребовали отворить дверь «для производства обыска по приказанию Госполитохраны» [8].

А. В. Харчевникова не было дома, и дверь в его комнату была заперта, но лица, пришедшие производить обыск, старались отпереть

её, подбирая ключи. Обыскав затем помещение Директора Музея и не найдя оружия, которое они, по их словам, искали, неизвестные ушли. После ухода их обнаружена пропажа карманных часов и серебряных денег в сумме 20 р. По справкам в Госполитохране выяснилось, что ордера на производство обыска в Музее дано не было, следовательно, указанный обыск был просто «самочинный».

30 марта Совет Забайкальского Отдела Русского Географического Общества принял решение довести «до сведения общества, путём напечатания во всех газетах, о случившемся и обратиться к Правительству с просьбой об ограждении Музея от повторения подобных фактов» [Там же].

А далее анонимный автор припомнил деталь, которую многие молодые сотрудники музея вряд ли знали: «В прежнее время для охраны Музея с его ценными коллекциями около Музея находился наружный полицейский пост» [Там же].

Вот только после этого конфликт музея и его директора с ГПО был, похоже, исчерпан. И до ликвидации ДВР, ни музей, ни его коллектив, ни его директора больше не трогали. Решения о пенсии и поддержке музея Алексея Кирилловича, похоже, произвели большое впечатление. Неслучайно его первый биограф Николай Жуков написал, что именно с конца 1920 г. Алексей Кириллович начал «работать рука об руку с этой (коммунистической – авт.) партией не за страх, а за совесть» [3, с. 55]. Правда, ОГПУ, сменившая ГПО, это, как уже отмечалось, не оценило это по достоинству.

Фото. 1. Алексей Кириллович Кузнецов.
Из коллекции Забайкальского
краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова

*Фото 2. Алексей Кириллович Кузнецов (слева) в помещении музея.
Из коллекции Забайкальского
краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова*

*Сидят: И.А. Софронов, А.В. Харчевников, А.К. Кузнецов, И.П. Мааков,
(ча.ч.общ.), М.Я. Попов (библиотек.). Стоят: В.В. Мааков (библиотек.),
В.М.Дементьева (машинистка), В.Ф. Аверин (художник)*

*Фото 3. Алексей Кириллович Кузнецов (нижний ряд, в центре)
и сотрудники музея. Из коллекции Забайкальского
краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова*

*Фото 4. Алексей Кириллович Кузнецов работает
с этнографической коллекцией музея.
Из коллекции Забайкальского
краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова*

Список литературы

1. Кузнецов А. К. Письмо в редакцию // Дальневосточная Республика. 1920. № 170. С. 3.
2. Баринов А., Закаблукская Н. Н. Человек редкой частоты: жизнь и деятельность Алексея Кирилловича Кузнецова (1854–1928). Новосибирск: Деал, 2020. 120 с.
3. Жуков Н. Н. Жизнь и деятельность А. К. Кузнецова // Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. Чита: Печатное Дело, 1929. С. 5–56.
4. Закаблукская Н. Н. Кузнецов Алексей Кириллович // Малая энциклопедия Забайкалья. Культура: в 2 ч. Ч. 1. А–Л / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2009. С. 400–401.
5. Константинов М. В. Кузнецов Алексей Кириллович // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование: в 2 ч. Ч. 1. А.–М / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 462–463.
6. Кузнецов, Алексей Кириллович // Деятели СССР и революционного движения России: энциклопедический словарь Гранат. Репринтное изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 126–133.
7. Нетерпимое явление // Дальневосточная Республика. 1920. № 168. С. 3.
8. Обыск в музее // Жизнь. 1921. № 43. С. 2.
9. Патронова А. Г. Кузнецов Алексей Кириллович // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т. 3. И–Р / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин: Новосибирск: Наука, 2006. С. 158.
10. Патронова А. Г., Константинов М. В. Кузнецов Алексей Кириллович // Малая энциклопедия Забайкалья: археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 185–186.
11. Удивительный порядок // Дальневосточная Республика. 1920. № 164. 30 нояб. С. 3.

Сведения об авторе

Баринов А. О. – кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа, г. Чита, Россия, ao.barinov@yandex.ru

Barinov A. O. – Candidate of Historical Sciences, Honored Worker of Culture of the Chita Region and the Aginsk Buryat Autonomous Area, Chita, Russia, ao.barinov@yandex.ru

.....

УДК 908(571.55)

**Правовые основы существования бывшей русской концессии
в Ханькоу по Уставу общественного управления 1924 года**

Евгений Викторович Дроботушенко

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

drzz@yandex.ru

В статье характеризуются правовые основы существования бывшей русской концессии в Ханькоу в новых социально-политических условиях на основе анализа нового устава концессии, принятого в 1924 г. Данный документ не получил на сегодня широкой известности, а точнее, исследователи, занимающиеся историей русской концессии в Ханькоу, о нём вообще не говорят. Полный текст устава в виде отдельной публикации обнаружен автором статьи в хранилищах Государственного архива Российской Федерации. Отмечается, что рассматриваемый документ является интереснейшим источником по истории русских в Ханькоу.

Ключевые слова: *устав, нормативный акт, общественное управление, русская концессия, Китай, Ханькоу, А. Бельченко*

Legal Basis of the Existence of the Former Russian Concession in Hankou Under the Charter of Public Administration 1924

Evgeniy V. Drobotushenko

Transbaikal State University, Chita, Russia

drzz@yandex.ru

Russian Concession in Hankou is characterized in the article in the new socio-political conditions on the basis of the analysis of the new charter of the Concession, adopted in 1924. This document has not received, today, wide popularity, or rather, researchers dealing with the history of the Russian Concession in Hankou do not talk about it at all. The full text of the charter in the form of a separate publication was found by the author of the article in the vaults of the State Archive of the Russian Federation. It is noted that the document in question is an interesting source on the history of Russians in Hankou.

Keywords: Charter, Regulatory Act, Public Administration, Russian Concession, China, Hankou, A. Belchenko

Вопросы истории русских в Ханькоу в разное время находили отражения на страницах научных и научно-популярных публикаций. Первые заметки или отдельные упоминания по названной истории относятся ещё к началу XX в. [1; 8 и др.]. Отдельные аспекты нашли отражение в воспоминаниях, изданных в советский период [3].

Некоторое изучение истории русских в Ханькоу в целом (без акцента русской концессии) нашла в новейшей истории. Речь исследователи вели и ведут о чайной торговле и, очевидно, затрагивают историю таковой в связи с Ханькоу [4; 7 и др.].

Особое внимание отдельными авторами уделено русской концессии Ханькоу. Наиболее авторитетным исследователем по проблематике, несомненно, является В. Г. Шаронова [9–13 и др.].

Несмотря на наличие определённого количества публикаций по истории русской концессии Ханькоу, справедливым будет отметить, что внимание истории её существования уделено не в должной мере. Это характеристика скорее отдельных аспектов, фактов, событий и явлений. В то же время отдельные архивные дела содержат относительно объёмный материал по истории концессии. Это фонд 10143 «Коллекция микрофильмов музея русской культуры в Сан-Франциско» Государственного архива Российской Федерации. Данные, относящиеся к названному фонду, разноаспектны. Представляется, что серьёзное знакомство с ними и использование полученной информации в публикациях может серьёзно дополнить уже написанную историю русской концессии в Ханькоу [2].

В рамках данного исследования мы остановимся на одной из страниц названной истории, а именно на характеристике положений и норм устава общественного управления быв-

шей русской концессии Ханькоу 1924 г. Текст отпечатан типографским способом отдельным самостоятельным изданием. Он относится к делу (коробке) 1 шестой описи «Бельченко А. Т.» названного фонда [Там же, л. 215–221]. Данная коробка объёмна по содержанию. Это статьи и печатные материалы А. Т. Бельченко, заметки разных авторов, номера русскоязычных журналов, нормативные акты и т. д. Крайние даты названного дела: 1898–1962 гг.

Андрей Терентьевич Бельченко был генеральным консулом Российской империи в Ханькоу с 1915 по 1920 г., в дальнейшем представителем русской колонии в Ханькоу.

Вопрос о создании русской концессии в Ханькоу встал в 1890-е гг. Как отмечает В. Г. Шаронова, было подписано соглашение об отводе территории в Ханькоу для создания Русской Концессии между Императорской Российской Миссией в Пекине и Китайским Министерством Иностранных Дел, правда дату подписания не называет [13, с. 154–155].

Положение о русской концессии в Ханькоу было принято 21 мая 1896 г. [5, с. 149–158].

Концессия управлялась Общественным советом на основании Устава, принятого Общим собранием, однако дата принятия устава исследователями не называется [13, с. 156].

Автором данной статьи полный текст устава русской концессии в Ханькоу ни в публикациях, ни в архивных источниках, встречен не был. Отдельные его статьи были напечатаны в «Известиях Общественного Совета Русской Концессии в Ханькоу» [2, л. 153–154].

Помимо устава Общественного управления русской концессии в Ханькоу, существовали и иные уставы, к примеру, «Устав Русской торговой Палаты в Ханькоу», «Устав Русского Клуба и библиотеки в Ханькоу» [Там же, л. 167–168; 6].

К 1924 г. относится появление нового устава, который именовался «Устав Общественного Управления б. Русской Концессии в Ханькоу», где «б» означает «бывшей» [2, л. 215].

Именно названный документ и является объектом анализа в настоящем исследовании. Здесь следует поднять важнейший вопрос: «Был ли рассматриваемый текст принят как нормативный акт или это был проект, который предлагался китайской стороне?» Окончательного ответа на данный вопрос, по крайней мере, автор настоящей статьи дать не может. Каких либо подтверждений или опровержений одной из позиций ни в имеющихся публикациях, ни в источниках не встречено. В любом случае документ интересен сам по себе, а если со временем выяснится, что он хотя бы какое-то время являлся действующим актом, то, думается, что ценность его в сознании исследователей, да и заинтересованных читателей, станет ещё больше.

Отметим, что орфография и пунктуация в приводимых выдержках из текста даётся в соответствии с оригиналом документа.

Статьи в уставе идут по мере возрастания по всему тексту, независимо от разделов, т. е. в новом разделе первая статья идёт за номером, продолжающим нумерацию статей предыдущего раздела.

Текст нового устава предваряет вводное слово на четыре абзаца, в котором отмечается, что за 15 лет своего существования «... Концессия превратилась из болот в благоустроенный городок, которым может гордиться любая страна... Концессия была дарована Китаем России, но Россия в интересах Концессии предоставляла право управления ею всем иностранцам, живущим на ней... и результатом этого явилось... благоустройство её» [Там же].

Ныне по тем или другим причинам Концессия возвращена Китаю, и осталось ожидать, чтобы Китайское правительство, следуя примеру России и другим державам, имеющих Концессии и Сеттльменты в том или другом порту Китая, оставило управление Концессией в интересах как своих граждан, так и иностранцев владеющих недвижимостью и живущих на ней [Там же]. Делать это, по мнению авторов (или автора) документа, необходимо с учётом внесения китайской стороной изменений в имевшийся устав Общественного Управления Концессией.

После вводных замечаний общего характера о ситуации с концессией к середине третьего десятилетия XX в. в тексте устава шли «Общие Положения» в четырёх статьях.

В статье первой отмечалось, что «Бывшая Русская Концессия в Ханькоу, расположенная между Британской и Французской Концессиями и представляющая собою площадь в 21 800 фанов (по фронту набережной реки Ян-цзы 757,6 ярдов) или 3,009,762,5 английских квадратных футов, известная отныне под именем Особого Иностранного сэттльмента управляется на основании существующего Устава» (Ст. 1) [Там же, л. 215].

Во второй статье нового устава отмечалось, что «Акты на приобретение, продажу и переход иными способами недвижимостей на сэттльменте оформляются в Управлении Комиссара по Иностранным Делах провинции Хубэй и пошлина с таких актов взывается в размере 3 % с продажной стоимости (Ст. 2) [Там же].

Важнейшая норма зафиксирована в третьей статье «Общих Положений». В ней предписывалось: «Все лица, как владельцы недвижимости, так и просто проживающие на сэттльменте без различия национальностей подчиняются все положениям сего Устава и издаваемым на его основании Обязательным Постановлениям» (Ст. 3) [Там же, л. 216].

Несмотря на то, что русская концессия была передана китайской стороне, управление всеми делами как хозяйственными, так и по благоустройству, на сэттльменте в Ханькоу предлагалось оставить за «местным Общественным Управлением» (Ст. 4) [Там же].

Следует акцентировать внимание на том, что представляло собой Общественное Управление русского сэттльмента (бывшей русской концессии) в Ханькоу институционально. Это Общее Собрание и Общественный Совет с состоящими при нём исполнительными органами (Ст. 4) [Там же].

Практически весь текст устава бывшей Русской Концессии в Ханькоу составил нормы, касающиеся принципов и процедур формирования Общественного Совета. Мы не находим в нём какие-либо иные нормы. К примеру, остаётся открытым вопрос о функционале Общественного Управления русского сэттльмента в Ханькоу.

За «Общими Положениями» идёт раздел «Общее Собрание», содержащий статьи с нормами, регламентирующими основы участия в работе Общего Собрания Общественного Управления Особого Иностранного сэттльмента. Правом участия в работе Общего Собрания наделялись «...все живущие на сэттльменте китайцы и иностранцы обою пола, а равно учреждения, общества, товарищества, являющиеся владельцами недвижимостей или

квартиронанимателями и платящие Общественному Совету разных налогов (земельного и имущественного)...» (Ст. 5) [2, л. 216].

Далее по тексту читаем, что «За несовершеннолетних и лиц, находящихся под опекою или попечительством, учувствуют их опекуны или попечители» (Ст. 6) [Там же].

Пользующиеся правом участия в Общем Собрании учреждения, общества, товарищества и компании учувствовали в управлении через своих уполномоченных представителей (Ст. 7). Также через уполномоченных могли принимать участие в собрании лица, находившиеся за пределами Ханькоу и не имевшие возможности сделать это в очном формате по причине болезни (Ст. 8) [Там же]. Правовым основанием участия в Общем Собрании представителя лица или организации являлась доверенность.

Не могли принимать участие в работе Общего Собрания две категории граждан:

1) лица, занимавшие должности в страже сэттьмента;

2) лица, занимавшие платные должности в Общественном Управлении сэттьмента, которые не являлись владельцами недвижимости на нём (Ст. 11) [Там же, л. 217].

Члены Общего Собрания бывшей русской концессии в Ханькоу избирались выборщиками. Их регистрации для участия в выборах посвящён отдельный раздел устава. Процедура строилась следующим образом. Не позднее 15 декабря (по новому стилю) каждого года Общественный Совет должен был публиковать в китайских газетах и газетах иных государств объявление о том, что квартиросъёмщики на территории бывшей русской концессии, желавшие зарегистрироваться выборщиками, должны были не позднее 31 декабря (по новому стилю) письменно известить об этом секретаря Общественного Совета. Такое объявление в названных газетах должно было публиковаться не менее трёх раз (Ст. 13) [Там же, л. 218].

Для подачи заявления существовал «особый бланк», образца которого источники, к сожалению, не дают.

Общественный Совет проверял данные, указанные в заявлениях и либо регистрировал

заявителя как выборщика, либо отказывал ему в регистрации. Лица, отвечавшие всем требованиям, помещались в списки выборщиков (Ст. 13) [Там же, л. 218].

В отдельном разделе устава рассматривались организационные основы созыва Общего и Чрезвычайных Собраний бывшей русской концессии в Ханькоу и предметы их ведения (Ст. 17–28) [Там же, л. 219–221].

В статьях 29–42 отдельного самостоятельного раздела устава регламентировались нормативные основы заседаний Общественного Совета, его права и обязанности. Отмечалось, что члены Совета избирались на два года. Постановления Общего Собрания приводились в действия, если они не опротестованы Комиссаром по Иностранным Делах в провинции Хубэй. В этом же разделе, помимо прочего, шла речь о Смешанном суде Сэттьмента для решения мелких дел, Страже Сэттьмента, которая подчинялась Общему Собранию бывшей русской концессии в Ханькоу (С. 29–42) [Там же, л. 221–223].

Завершается документ фразой «(Подп.) А. Бельченко. Ханькоу 15-го Октября 1924 г.» [Там же, л. 225].

Бывшая русская концессия в Ханькоу пыталась встраиваться в новые условия. К середине третьего десятилетия XX в. земли концессии были переданы Китаю. «Старые реалии» ушли. Сформировался русский Сэттьмент именуемый «*Особым*». В то же время лидеры русской колонии Ханькоу постарались сохранить прежний образ жизни и управления. Для этого была сделана попытка закрепить названное нормативно. Удалась ли она, на сегодня, остаётся вопросом. Был ли принят устав бывшей Русской Концессии в Ханькоу 1924 г. или нет? Для автора настоящего исследования поиск ответа требует дополнительных архивных изысканий. Представляется, что восстановление всех нормативных актов, касающихся существования и деятельности русской концессии в Ханькоу с точными датами принятия, внесения изменений, новыми редакциями, поможет воссоздать наиболее полную историю концессии.

Список литературы

1. Восстание в Китае. Русские колонии в Китае. Текст: электронный // Московский листок, иллюстрированное прибавление. 1900. № 25. 25 июня. URL: https://nik191-1.ucoz.ru/blog/russkie_kolonii_v_kitae/2021-07-01-8691 (дата обращения: 28.03.2023).
2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 10143. Оп. 6. Д. (К.) 1.
3. Казанин М. И. В штабе Блохера: воспоминания о китайской революции 1925–1927 гг. М.: Наука, 1966. 167 с.
4. Лю Цзайци. Чайная торговля между Китаем и Россией. Текст: электронный // TeaTerra. Чайный портал «Все о чае». URL: <https://www.tea-terra.ru/2014/01/16/12445> (дата обращения: 28.03.2023).

5. Положение о русской концессии в Ханькоу от 21 мая (2 июня) 1896 г. // Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895–1905. СПб.: Тип. А. М. Меделевича, 1906. С. 149–158.
6. Устав Русского Клуба и библиотеки в Ханькоу. Пекин: Тип. при Пекинской Русской Духовной Миссии, 1907. 20 с
7. Хамзин И. Р. Фучжоу – «открытый» порт Китая в системе русско-китайской торговли во второй половине XIX в. // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 2. С. 24–32.
8. Церкви Духовной Миссии // Известия Братства православной церкви в Китае. Пекин: Тип. Успенского Монастыря при Русской Духовной Миссии, 1906. Вып. 27–28. С. 2.
9. Шаронова В. Г. Провинция Цзянси в русско-китайских торговых отношениях в конце XIX – начале XX в. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. Т. 23, № 23. С. 363–375.
10. Шаронова В. Г. Русский храм на Янцзы // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. С. 155–166; № 6. С. 163–172
11. Шаронова В. Г. Русская эмиграция в Ханькоу (Китай) // Россия и современный мир. 2015. № 4. С. 218–224.
12. Шаронова В. Г. Русско-китайская торговля в Ханькоу в годы Первой мировой войны // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 1. С. 104–109.
13. Шаронова В. Г., Чень Кайке Русская концессия в Ханькоу // Русское Зарубежье: история и современность: сб. ст. / ред.-сост. Т. Г. Петрова, В. Г. Шаронова. М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН, 2017. Вып. 6. С. 153–159.

Сведения об авторе

Дроботушенко Е. В. – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, DRZZ@yandex.ru

Drobotushenko E. V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, the Dean of the Faculty of History and Philology of the Transbaikalian State University, Chita, Russia, DRZZ@yandex.ru

.....

УДК 908:625(571.55)

**К вопросу оплаты труда служащих и рабочих
Китайско-Восточной железной дороги в 1920-е годы**

Юлия Николаевна Ланцова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

astra205@yandex.ru

В статье анализируется один из важных вопросов взаимодействия администрации и рабочих Китайско-Восточной железной дороги – вопрос оплаты труда. Приводятся категории рабочих и служащих. Отмечается, что до 1924 г. этой проблеме уделялось недостаточно внимания и только после подписания «Соглашения о временном управлении КВЖД» стали решать вопрос увеличения жалования и улучшения условий труда. Для более эффективной работы в этом направлении в 1926 г. было создано Бюро рационализации труда.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога, рабочий, служащий, оплата труда, СССР, Китай, Маньчжурия, окладное содержание, неокладное содержание, поденная и сдельная оплата, Бюро рационализации труда

On the Issue of Wages of Employees and Workers Chinese Eastern Railway in the 1920s

Yuliya N. Lantsova

Transbaikal State University, Chita, Russia

astra205@yandex.ru

The article analyzes one of the important issues of interaction between the administration and workers of the Chinese Eastern Railway – the issue of wages. The categories of workers and employees are given. It is noted that until 1924 this problem was not given enough attention, and only after the signing of the “Agreement on the temporary management of the CER” the issue of increasing salaries and improving working conditions began to be addressed. For more effective work in this direction in 1926, the Bureau of Labor Rationalization was created.

Keywords: Chinese Eastern Railway, Worker, Employee, Remuneration, USSR, China, Manchuria, Salary Maintenance, Non-Salary Maintenance, Daily and Piecework Payment, Bureau of Labor Rationalization

Истории Китайско-Восточной железной дороги в целом и различным аспектам (созданию, экономическому, социальному, политическому значению и т. д.), в частности, посвящено достаточно большое количество исследований, таких авторов, как Н. Е. Аблова, Г. П. Белоглазов, Л. А. Быстрянцева, Е. В. Дроботушенко, М. В. Кротова, И. И. Крыловская, И. В. Олейников, В. В. Перминов и др. [1; 3; 4; 6; 10–14 и др.]. Есть исследования связанные и с изучением положения служащих дороги. Однако одним из первостепенных вопросов – был вопрос оплаты труда рабочих и служащих КВЖД, на изучении этой проблемы и хотелось остановиться в данной статье.

Л. А. Быстрянцева указывает, что на службу на КВЖД принимали с 16 лет. Российские граждане должны были представить удостоверение личности, документы об образовании, о вероисповедании, отношении к воинской службе; китайские приглашались на работу без вышеуказанных документов. Инженерно-техническое обслуживание дороги осуществлялось русскими специалистами. Подбор и расстановка кадров велась на конкурсной основе. КВЖД имела свыше ста предприятий лёгкой и обрабатывающей промышленности. Основная часть её доходов шла на развитие экономики и освоения Маньчжурии. Руководители служб КВЖД обязаны были заботиться о подготовке достаточного числа «кандидатов для замещения вакантных должностей». В среднем численность рабочих и служащих составляла 17 тыс. чел. [4].

По данным представленным в журнале КВЖД «Вестник Маньчжурии» указывается, что руководство дороги до 1924 г. крайне небрежно занималось вопросами, связанными с положением рабочих, заработная плата выплачивалась не аккуратно, или такими деньгами, которые не имели ценности, правовое положение агентов также оставляло желать лучшего [5, с. 5].

Фото 1. Работники токарного цеха Главных мастерских Уссурийска [2]

Фото 2. Работники кузнечного цеха Главных мастерских Уссурийска [2]

3 октября 1924 г. в соответствии с пекинским и мукденским соглашениями было сформировано Правление КВЖД, в состав которого вошли по пять представителей от СССР и Китая. Председателем Правления стал китаец, а Управляющим дорогой был назначен от советской стороны – А. Н. Иванов. Заключение Мукденского соглашения законодательно

устранило последнее препятствие на пути добрососедских отношений между СССР и Китаем [3, с. 68].

Фото 3. Агенты депо станции Маньчжурия [2]

Фото 4. Агенты материального склада станции Маньчжурия [2]

Новая администрация озаботилась этим вопросом, были пересмотрены условия оплаты труда, минимальная для служащих была под-

нята с 216 до 360 р. (на 66 %), для поденных мастеровых и рабочих на 35–40 % [5, с. 5].

Служащие дороги подразделялись на постоянных (штатных) и временных (нештатных) [7, с. 291]. Содержание, выделяемое на штатных сотрудников, было двух видов: окладное и неокладное. Окладное составляло оплату за обычную служебную деятельность и не зависело от временного увеличения или уменьшения работы и включало жалование, квартирное довольствие и разъездные деньги. Жалование по должностям определялось на каждый год и утверждёнными по эксплуатационной смете штатами и штатными расписаниями, оформлялось приказами по дороге.

КВЖД штатным служащим предоставляла квартиры (отопление также за счёт дороги), если это было не возможно – выплачивали квартирные деньги. Разъездные деньги, выплачивались служащим, в обязанности которых входили перемещения по линии дороги.

К неокладному содержанию относилось: поденная и сдельная оплата постоянных рабочих мастерских и депо, повёрстные деньги паровозных, поездных бригад, премии за сбережение топлива и материалов.

Существовали особенности выплаты повёрстных денег (за количество вёрст сделанных поездами, которые рабочие обслуживали) и если сотрудник в рамках выполнения служебных обязанностей, назначался в какую-либо комиссию или находился в командировке, то вместо повёрстных, ему выплачивались суточные. Суточные также выплачивались, если приходилось сопровождать рабочие поезда, и они останавливались по различным причинам. По данным на 1927 г. нормы суточных были следующие (расчёт в золотых рублях и копейках) (табл. 1).

Таблица № 1

Нормы суточных (1927 г.) [7, с. 295]

Окладное содержание (в том числе личноприсвоенное содержание), за исключением квартирных денег	В пределах линии	Вне пределов линии	В Китай (за пределы с. Маньчжурии) и Японию
до 500 р.	1,00	1,85	6,85
От 501 до 1 000 р.	1,50	3,10	8,10
От 1 001 до 2 000 р.	2,00	5,00	10,00
От 2 001 до 3 600 р.	3,00	7,50	12,50
От 3 601 до 5 000 р.	5,00	10,00	15,00
5 001 р. – свыше	7,00	15,00	20,00

На КВЖД предусматривалось и вознаграждение за занятия во внеслужбное время, под которым подразумевалось выполнение особых, экстренных работ в вечернее время и праздничные дни.

В 1920-е гг. изменились условия службы, работы осложнились в связи с увеличением масштабов деятельности дорог, и теперь от администрации и персонала требовалось осваивать новые навыки, быть более практичным и принимать обоснованные решения. Что в свою очередь усиливало взаимодействие между отдельными службами и агентами.

Нормы рабочего времени, виды оплаты труда, законодательная база становились не актуальными и совершенно не достаточными в новых условиях функционирования дороги. Первоначально строгой регламентации вопросов труда не было, но со временем было принято большое количество нормативных документов, что создавало большие сложности. Так, прежде всего труд сотрудников одинаковых по квалификации и объёму обязанностей, оплачиваться должен был одинаково и по

единой системе, что должно было пониматься и выполняться всеми службами единообразно.

Для урегулирования этой системы с 1926 г. на КВЖД создано Бюро рационализации труда. На Бюро возложено, помимо решения текущих повседневных задач, обязанность выработать новые тарифные сетки для рабочих всех служб, кроме Службы Тяги, где сетка тарифов уже была. Оно должно было проработать вопросы о премиях, об урегулировании прав подённых рабочих. В задачи Бюро входило и изучение научной организации труда, рационализация делопроизводства, счетоводства и т. п.

Конечно же, самой сложной проблемой было установление нормальной оплаты труда рабочих и служащих.

Данные о количестве всех служащих и рабочих и средний месячный заработок (жалование, подённые платы, сдельная оплата, повёрстные, премиальные, сверхурочные, разъездные выплаты) на одного человека за 1926 г. представлены в табл. 2. Квартирные, суточные и подъёмные выдачи в эту статистику не включались.

Таблица 2

Оплата труда рабочих и служащих (1926 г.) [15, с. 12]

<i>Службы</i>	<i>Среднее количество служащих и рабочих в месяц по всем службам</i>	<i>В том числе отдельно по Управлению</i>	<i>Средний месячный заработок служащих и рабочих на одного по службам, в зол. р.</i>	<i>В том числе отдельно по Управлению, в зол. р.</i>
Т	5484	158	73,99	132,24
П	8333	155	34,51	137,86
Д	2698	142	63,74	123,89
Ш	654	45	64,09	127,31
М	1450	104	18,17	122,22
К	678	281	92,081	128,80
Б	86	88	125,12	125,23
Х	786	100	42,61	108,13
С	216	189	107,32	105,32
ВС	632	33	66,28	124,47
ВСС	317	11	52,20	120,56
НК	158	158	77,66	77,66
Ф	68	68	102,99	103,00
НЮ	28	28	169,16	170,46
ЗКВО	13	13	119,50	119,50
РК	17	17	161,66	161,66
НМО	21	9	57,05	86,15
К. уч	93	93	130,33	130,33
Тип.	185	–	61,47	–
Среднее в год по всем службам	21932	1 703	56,16	123,50

По результатам работы Бюро, к 1927 г. ситуация и по количеству сотрудников и заработной плате немного изменилась (табл. 3).

Произошло увеличение штатных сотрудников из-за увеличения масштабов работы КВЖД и подённых рабочих по Службе Пути, т. к. были получены кредиты и в сентябре-октябре 1927 г. они приступили к работе.

Отмечался рост заработной платы у подённых рабочих Пути, Телеграфа и Материальной, что было связано с установлением минимума подённой платы для чернорабочих в 80 к. (до этого было 40 к.), отсюда и произошло увеличение оплаты квалифицированного труда.

Но при этом ещё сохранилась разница в оплате разных служб схожих квалификаций. Артельные старосты получали от 540 до 720 зол. р. в год, являясь основными тех-

нико-административными руководителями, труд которых на других дорогах оплачивался наравне с конторщиками, весовщиками, осмотрщиками вагонов. Очень мало получали подстаршие, путевые сторожа, средние группы в Службе Пути – до 360 р. [15, с. 12]. Смазчики получали менее чем младшие кондукторы, промывальщики паровозов как обычные сторожа и т. п.

И как результат, такая несправедливость негативно сказывалась на взаимоотношениях рабочих и служащих. На Бюро рационализации труда возлагались большие надежды по решению этого вопроса, и в сметах на 1928 г. были учтены результаты их работы, но увеличение оплаты в конечном итоге зависело от решения Правления дороги и насколько рентабельна будет деятельность всей КВЖД.

Таблица 3

Количество сотрудников и заработная плата (1927 г.) [15, с. 13].

Месяцы	Количество			Средний месячный заработок на одного человека		
	служащих и рабочих штатных и временных, получающих ежемесячно	рабочих подённых, постоянных и сезонных	всего	служащих и рабочих штатных и временных, получающих ежемесячно	рабочих подённых, постоянных и сезонных	всего
Январь 1926 г.	11,321	7,823	19,144	68,96	36,92	55,86
1297 г.	12,794	8,570	21,419	75,06	41,20	61,16
Февраль 1926 г.	11,332	7,696	19,028	67,49	37,31	55,30
1297 г.	12,529	8,124	20,671	72,61	40,99	60,15
Март 1926 г.	11,078	8,925	20,003	70,20	40,12	56,78
1297 г.	12,744	9,387	22,131	76,23	46,34	63,54
Апрель 1926 г.	11,344	9,114	20,458	72,43	40,23	58,07
1297 г.	12,757	10,369	23,126	77,82	39,66	60,71
Май 1926 г.	11,003	10,791	21,794	71,31	35,55	53,49
1297 г.	12,693	13,187	25,826	77,63	39,55	58,19
Июнь 1926 г.	11,294	10,753	22,047	71,39	38,05	55,13
1297 г.	12,940	12,836	25,776	77,04	36,16	56,68
Июль 1926 г.	11,379	11,913	23,292	70,60	37,35	53,59
1297 г.	12,895	13,986	26,881	81,46	37,55	58,61

Конечно же, о положении рабочих и служащих, отношении администрации к ним, нельзя судить, анализируя только вопросы, связанные с оплатой труда, это и жилищные условия, и условия труда, вопросы отдыха

и связанная с ними культурная сфера, медицинская помощь, санаторное лечение, обучение и т. д. Однако это достаточно большие вопросы, требующие отдельного исследования.

Список литературы

1. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Русская панорама, 2005. 430 с.
2. Альбом «Китайская восточная железная дорога». Текст: электронный // Государственный исторический музей. URL: <https://catalog.shm.ru/entity/KIT/1983491> (дата обращения: 04.04.2023).

3. Белоглазов Г. П. КВЖД – объект российско (советско)-китайского взаимодействия и российских инвестиций в 20-е гг. XX в. (к 90-летию установления дипломатических отношений между СССР и китайской Республикой и подписания «Соглашения о временном управлении КВЖД 1924 г.»). Текст: электронный // Ойкумена. 2014. № 4. С. 63–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvzhd-obekt-rossiysko-sovetsko-kitayskogo-vzaimodeystviya-i-rossiyskih-investitsiy-v-20-e-gg-hh-v-k-90-letiyu-ustanovleniya> (дата обращения: 02.04.2023).
4. Быстрянцева Л. А. Исторический очерк строительства и развития КВЖД и Харбина. Текст: электронный // Б. Н. Абрамов: жизнь и творчество. URL: <https://bn-abramov.ru/biography/15923/?ysclid=lfzf4degl667451526> (дата обращения: 02.04.2023).
5. В. Г. Работа Китайской Восточной железной дороги за три года (3 октября 1924 г. – 3 октября 1927 г.) // Вестник Маньчжурии. 1927. № 10. С. 1–7.
6. Дроботушенко Е. В. Общественное управление в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги в начале XX века // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 6. С. 64–70.
7. Извлечения из «Временного Положения о служащих КВЖД» // Справочник по с. Маньчжурия и КВЖД. Харбин: Полиграф, 1927. С. 291–298.
8. Кобзарева А. П. Китайская Восточная железная дорога в 1926 году // Вестник Маньчжурии. 1927. № 3. С. 15–22.
9. Кротова М. В. Личные дела служащих КВЖД как источник изучения русского присутствия в Маньчжурии. Текст: электронный // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnye-dela-sluzhaschih-kvzhd-kak-istochnik-izucheniya-russkogo-prisutstviya-v-manchzhurii> (дата обращения: 02.04.2023).
10. Кротова М. В. Советское присутствие на КВЖД в 1924–1935 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 139–150.
11. Кротова М. В. Уроки истории: особенности советско-китайского управления КВЖД в 1920-е годы. Текст: электронный // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 2. С. 166–176. URL: http://intelros.ru/pdf/Sravnitel'naya_politika/2020_02/1138-2336-1-SM.pdf (дата обращения: 02.04.2023).
12. Крыловская И. И. Хроники деятельности харбинского отделения профессионального союза работников искусств (1925–1929 гг.). Текст: электронный // Манускрипт. 2016. № 11-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hroniki-deyatelnosti-harbinskogo-otdeleniya-professionalnogo-soyuza-rabotnikov-iskusstv-1925-1929-gg> (дата обращения: 02.04.2023).
13. Олейников И. В. Деятельность администрации Китайской Восточной железной дороги в 1917–1920 гг.: социально-экономические, политические и правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2003. 29 с.
14. Перминов В. В. Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД). Текст: электронный // Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=5124> (дата обращения: 20.10.2022).
15. Пряничникова М. Бюро рационализации труда и заработная плата на Китайско-Восточной железной дороге в 1926/27 году // Вестник Маньчжурии. 1927. № 10. С. 11–13.
16. Статистический ежегодник КВЖД. 1923 г. Харбин: Тип. Китайской Восточной железной дороги, 1923. 151 с.
17. Статистический ежегодник КВЖД. 1924 г. Харбин: Тип. Китайской Восточной железной дороги, 1924. 158 с.
18. Ходяков М. В., Чжао Чжицин. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны. Текст: электронный // Новейшая история России. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovaya-migratsiya-kitaytsev-v-rossiyu-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny> (дата обращения: 02.04.2023).

Сведения об авторе

Ланцова Ю. Н. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, astr205@yandex.ru

Lantsova Yu. N. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History, Transbaikal State University, Chita, Russia, astr205@yandex.ru

.....

УДК 908:553.411(571.55)

Социальные проблемы китайских рабочих на золотодобывающих приисках Забайкалья в 1920-х годах

Василина Александровна Сазонова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

vasilinass@mail.ru

Статья посвящена пребыванию китайских рабочих на территории Забайкалья в 1920-х годах. В связи со сложной экономической обстановкой на родине китайцы в поисках заработка прибывали на советскую территорию. Китайские рабочие трудились на угледобывающих, лесозаготовительных предприятиях, значительная часть работала на золотодобывающих приисках. Проводимая советским государством национальная политика способствовала установлению равенства прав всех национальностей, в том числе и китайских мигрантов. Несмотря на это, китайские рабочие нередко сталкивались с экономической дискриминацией, ущемлением своих трудовых прав, пренебрежительным отношением и конфликтами на межнациональной почве. Советские государственные и партийные органы предпринимали меры для устранения подобных явлений, но нередко эти проблемы оставались нерешёнными.

Ключевые слова: *китайские рабочие, дискриминация, межнациональные конфликты, прииски, подрядчики*

Social Problems of Chinese Workers at the Gold Mines of Transbaikalia in the 1920s

Vasilina A. Sazonova

Transbaikal State University, Chita Russia

vasilinass@mail.ru

The article is devoted to the stay of Chinese workers in the territory of Transbaikalia in the 1920s. Due to the difficult economic situation in their homeland, the Chinese arrived in Soviet territory in search of work. Chinese workers worked at coal mining, logging enterprises, a significant part worked at gold mines. The national policy pursued by the Soviet state contributed to the establishment of equal rights for all nationalities, including Chinese migrants. Despite this, Chinese workers often faced economic discrimination, infringement of their labor rights, neglect and conflicts on ethnic grounds. Soviet state and party bodies took measures to eliminate such phenomena, but often these problems remained unresolved.

Keywords: *Chinese workers, discrimination, ethnic conflicts, mines, contractors*

Подавляющее большинство китайских мигрантов, приехавших на Дальний Восток в поисках заработка, в том числе на золотодобывающие прииски Забайкалья, являлись неграмотными или малограмотными и не владели русским языком. Чаще всего это были неквалифицированные рабочие-пролетарии. Они являлись выходцами из различных социальных слоёв: наёмные солдаты, разорившиеся китайские купцы, ремесленники, крестьяне и нищие [2, л. 9].

Принадлежность китайских мигрантов к низшим социальным слоям, отсутствие грамотности создавали трудности в процессе их адаптации к новым условиям жизни на советской территории, возникали препятствия в культурно-просветительской и образовательной деятельности, осуществляемой советскими государственными и партийными органами

в отношении китайских мигрантов. Кроме того, имели место проблемы во взаимоотношениях между русскими и китайскими рабочими, следствием которых были межнациональные конфликты.

Русские рабочие в общении с китайскими использовали слова «ходя», «китаеза», «фазан» и др. [4, с. 114]. Пренебрежительное отношение к китайским рабочим имело место и со стороны администрации золотодобывающих приисков, что приводило к усилению межнациональной напряжённости и росту конфликтных ситуаций.

Китайские рабочие в силу неграмотности и отсутствия знания русского языка, не обладали и знаниями в области советского трудового законодательства, в связи с чем было практически невозможно осуществлять контроль над соблюдением трудовых норм со стороны

приисковой администрации. Вследствие этого нарушения условий коллективных договоров и норм трудового права в отношении китайских рабочих не были редкостью.

Данный факт подтверждается различием в условиях работы и обслуживания китайских рабочих. На золотодобывающих приисках имели место такие нарушения, как несвоевременная выплата заработной платы, ненормированный рабочий день, отсутствие доплаты за сверхурочные работы, неправильный расчёт, предоставление худших участков для проведения работ, оставление без работы и пр.

Владельцы приисков нередко оправдывали снижение заработной платы китайских рабочих стремлением сократить вывоз валюты в Китай. Экономическая дискриминация имела место не только на частных, но и на государственных предприятиях, руководители которых в стремлении сэкономить на иностранцах делали попытки лишить китайских рабочих страховки и прав, предусмотренных Кодексом законов о труде» [4, с. 114].

В выписке из протокола № 3 очередного собрания Бюро китайской ячейки ВКП(б) от 19 ноября 1928 г. говорилось о заслушивании доклада о положении китайского рабочего Ян-Фу, в отношении которого наблюдалась дискриминация со стороны администрации, которая выражалась в отсутствии компенсации за сверхурочную работу. Собрание рекомендовало провести соответствующее расследование с участием Отдела труда и установить фактические обстоятельства дела [1, л. 3].

Среди фактов, свидетельствующих о дискриминации китайских рабочих, стоит отметить снабжение недоброкачественными продуктами, грубое отношение со стороны подрядчиков, предоставление самых худших жилых помещений.

Из протокола заседания китайской ячейки ВКП(б) от 31 октября 1928 г.: «Приходят в магазин русские и китайцы, русским отпускают, что им нужно, а китайцам говорят, нет. Зачем неодинаковое отношение?» [Там же, л. 3 об.].

Жилищные проблемы китайских рабочих не оставались без внимания контролирующих органов. Предпринимались меры по своевременному обеспечению китайцев жилыми помещениями в соответствии с санитарно-гигиеническими нормами, не допуская дискриминации. Однако в связи со слабым контролем и недостаточностью предпринимаемых мер, жилищно-бытовые условия китайских рабочих на ряде золотодобывающих приисков оставались неудовлетворительными.

Следует упомянуть и об организации так называемых фальшивых артелей, в которых

работало около 200 китайцев [Там же, л. 13]. Находясь под влиянием хозяев артелей и опасаясь остаться без работы, китайцы, несмотря на дискриминацию и ущемление трудовых прав, утверждали, что они являются членами артели, а не наёмными рабочими и на них нормы, действующего трудового законодательства, не распространяются. С целью устранения фальшивых артелей рекомендовалось использовать культурно-просветительскую работу среди китайских рабочих, формируя у них уверенность в необходимости борьбы с этим явлением.

Важной проблемой, требующей особого внимания, являлось обеспечение охраны труда китайских рабочих особенно на золотодобывающих приисках. При обследовании частных и государственных предприятий на предмет соблюдения правил охраны труда выявлено, что в составе Комиссий по охране труда нет ни одного представителя от восточных рабочих. Данное обстоятельство, а также недостаточное внимание к этому вопросу со стороны профсоюзных организаций и Отделов труда приводило к слабой работе по охране труда на обследуемых предприятиях [2, л. 17].

Отметим, что в среде китайских мигрантов, в особенности на золотодобывающих приисках имела место такая форма самоуправления как институт «артельщиков» или «старшинок». В связи с большой долей неграмотных китайских рабочих и незнанием ими русского языка «старшинки» исполняли роль посредников между китайскими рабочими и работодателями на советской территории, при этом им принадлежала определённая доля в заработной плате каждого рабочего. Подрядчики, нередко, получая от «Союззолото» денежные средства на выплату заработной платы, выплачивали её не в полном объёме, оставляя себе 30 %, а то и 50 %, а, полученную спецодежду и другие товары для рабочих на приисках, оставляли для личного пользования или продавали тем же рабочим [Там же]. Кроме этого, «старшинки» занимались вербовкой рабочих в Китае, осуществляли помощь при переходе границы и в поиске места работы.

В материалах Сретенского главного приискового управления «Союззолото» «О культуре среди восточных рабочих Сретенского округа» отмечалось, что на прииске В. Гугуда организована артель, в которой китайцы трудятся не как члены артели, а как наёмные рабочие. При этом подрядчик Мао-Чин-Шан, не работая, владеет несколькими паями и получает доход не менее 100 р. в день. «Одновременно Мао-Чин-Шан занимается контрабандой, имеет

связь с границей и прочее. По этому поводу его арестовали, но после этого больше 100 чел. китайских рабочих подписали заявление о его освобождении, потому что он состоит в организации «Куто» (братский союз). Во-вторых, у него есть свой актив среди восточных рабочих» [2 же, л. 18].

«Старшинки» занимались перепродажей опиума, поэтому организовывали на приисках опеку и карточные игры, в связи с чем имели место случаи, когда к концу промывочного сезона китайские рабочие оставались без денег. Нередким было воровство золота на приисках, т. к. только в обмен на золото можно было приобрести опиум. Данные факты способствовали распространению такого заработка подрядчиков, как продажа золота за границу.

С целью борьбы с фальшивыми артелями, деятельностью «старшинок» (подрядчиков) предпринимались меры по объединению усилий в этом направлении Комиссий по охране труда на предприятиях и контролирующим органов. Кроме того, важную роль в решении данных вопросов отводилась профсоюзам, которым совместно с партийными организациями рекомендовалось проводить образовательную и культурно-массовую работу среди китайских рабочих, включающую организацию ликпунктов, Красных уголков, проведение просветительских мероприятий, собраний, лекций и пр. [1, л. 3]. Вместе с тем осуществлялась работа по подготовке квалифицированных специалистов для работы среди китайских рабочих.

С целью решения данных проблем ставились задачи по устранению и полному изжитию пренебрежительного отношения к китайским мигрантам, всякого рода неравенства, установления правильных взаимоотношений хозорганов с восточными рабочими и товарищеских отношений между русскими и китайскими рабочими. Кроме того, проводилась подготовка квалифицированных кадров профработников для работы среди иностранных мигрантов. Важной задачей было налаживание правильной постановки массовой союзной работы среди китайских мигрантов путём изыскания наиболее определённых, ясных и конкретных форм и методов.

С точки зрения практической реализации национальной политики советского государства перед партийными и исполнительными органами на местах ставилась задача по изжитию неравенства русского и китайского рабочего в экономической, политической и культурно-образовательной сферах.

С целью решения поставленных задач рекомендовалось обратить особое внимание на устранение диспропорций и любого вида

дискриминации. В частности, проводились необходимые проверки по выяснению условий проживания китайских мигрантов, качества организации питания и снабжения продуктами, в соответствии с национальными особенностями, устранения фактов невыплаты заработной платы, общётов и пр. Особое внимание уделялось борьбе с межнациональными конфликтами, пренебрежительным обращением к китайским рабочим и разного рода неравенству, с целью установления благоприятной и дружественной атмосферы во взаимоотношениях между русскими и китайскими рабочими.

В материалах Сретенского окружного комитета ВКП(б) отмечалось, что в целом национальная политика советского государства базировалась на создании фактического равенства представителей любой национальности в экономическо-правовой и культурной областях. Основной задачей партийных и государственных органов является сплочение русских китайских рабочих в борьбе за укрепление диктатуры пролетариата и социалистическое строительство. «Только при этом условии китайский рабочий будет считать СССР своим действительным отечеством» [2, л. 139].

Между тем чёткого понимания этих установок в национальном вопросе и сознания необходимости безоговорочного проведения их в жизнь, у отдельных организаций и хозяйственников не было.

Советские государственные органы нередко подобные факты дискриминации расценивали как дискредитацию национальной политики, проводимой советскими партийными и государственными структурами, в связи с чем, осуществлялась борьба, с какими бы то ни было проявлениями шовинизма, в том числе путём привлечения к этой работе представителей правоохранительных органов и судебной системы.

В частности, правоохранительным органам рекомендовалось организовывать выезды в места работы китайских мигрантов для непосредственного изучения этой проблемы, выявления виновников обострения межнациональных отношений, экономической дискриминации и своевременного принятия соответствующих мер для борьбы с этими явлениями.

Предлагаемые меры наказания за проявления шовинизма – исключать из партии, судить общественным судом – на практике применялись очень редко. Подобные дела чаще всего не доходили до суда либо проходили в сводках по статье «хулиганство» [3, с. 262].

Имели место случаи, свидетельствующие о предвзятом и необъективном подходе представителей судебной системы при решении

проблемы дискриминации китайских рабочих. В отчётном докладе краевому Съезду Советов сообщалось, что «не всегда наш суд одинаково относится к русским и к китайцам тогда, когда они попадают в сферу действий суда. Можно указать целый ряд примеров, когда наш суд, пролетарский суд, приговаривает китайца за одинаковое с русским преступление к большему наказанию, чем русского. Вот это нарушение классовой национальной линии в нашем суде должно быть выжжено калёным железом» [4, с. 114].

Подавляющее большинство китайских мигрантов, как уже отмечалось, были необразованные и неграмотные рабочие, которые в силу различных, в том числе экономических причин вынуждены были покинуть свою родину и искать работу за её пределами. «Не случайно, доля китайцев составляла в горнодобывающей

промышленности 50 %» [Там же, с. 114]. Они брались за самую тяжёлую и низкооплачиваемую работу, не знали своих прав, чем нередко пользовались руководители предприятий в своих интересах. Незнание русского языка и советских законов нередко приводило к проблемам экономического и социального неравенства, трудностям в отстаивании своих трудовых прав, а советские правоохранительные органы часто не оказывали им должного внимания и не осуществляли полноценной правовой защиты. Несмотря на имеющиеся проблемы, осуществляя свою хозяйственную деятельность, китайские мигранты активно взаимодействовали с русским населением, вследствие чего происходило сближение их в культурном отношении, что приводило к разной степени адаптации китайских мигрантов к условиям жизни на советской территории.

Список литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 235.
2. ГАЗК. Ф. П-71. Оп. 1. Д. 564.
3. Залеская О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1858–1938 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Благовещенск: БГПУ, 2009. 542 с.
4. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. М.: Восточная книга, 2009. 511 с.

Сведения об авторе

Сазонова В. А. – аспирант, историко-филологический факультет, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, vasilinass@mail.ru

Sazonova V. A. – Postgraduate Student of the Faculty of History and Philology, Transbaikalian State University, Chita, Russia, vasilinass@mail.ru

.....

УДК 94(2РОС-4ЧИТ)(511.31)

Шанхайский русский полк и Одинокий батальон: инцидент 11 августа 1938 года

Сунь Ичжи

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

yizhisun961203@gmail.com

Статья посвящена важному эпизоду в истории Шанхайского русского полка: конфликту с Одиноким батальоном 11 августа 1938 г. Внутри лагеря батальона был поднят государственный флаг Китайской республики, в результате чего русская охрана дубинками и палками избивала невооружённых героев Одинокого батальона. Данный инцидент получил широкий общественный резонанс и дошёл до уровня высшей власти. В целом можно отметить, что с самого начала создания русского полка в 1927 г. муниципалитет Международного селтльмента рассматривал их именно как наёмников, а не волонтеров-защитников режима селтльмента.

Ключевые слова: Шанхайский русский полк, Оборона склада Сыхан, Се Цзиньюань, Одинокий батальон, русская эмиграция в Шанхае, Международный селтльмент, Шанхайский волонтерский корпус, Вторая мировая война

Shanghai Russian Regiment and Lost Battalion: the August 11th Incident

Sun Yizhi

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

yizhisun961203@gmail.com

The article focuses on an important moment in the history of the Shanghai Russian Regiment: the conflict with the Lone Battalion on 11 August 1938. The national flag of the Republic of China was raised inside the battalion's camp, as a result of which the Russian guards beat up the unarmed heroes of the Lone Battalion with batons and sticks. The incident received widespread publicity. Overall, it can be noted that from the beginning of the establishment of the Russian Regiment in 1927, the Municipal Council of Shanghai International Settlement viewed them precisely as mercenaries and not as volunteer defenders of the Settlement regime.

Keywords: Shanghai Russian Regiment, Defense of Sihang Warehouse, Xie Jinyuan, Lost Battalion, White Russian in Shanghai, International Settlement, Shanghai Volunteer Corps, the World War II

7 июля 1937 г. началась китайская Анти-японская война (抗日战争), открывшая кровавый театр Второй мировой войны. 13 августа 1937 г. началось сражение между китайской и японской армиями при Шанхае, последним эпизодом которого стала оборона склада Сыхан (四行倉庫保卫战) 26 октября – 1 ноября 1937 г. В течение четырёх дней так называемый «Одинокий батальон (四行孤軍)», состоящий из 800 храбрецов (八百壯士) (в действительности количество защитников склада было менее 800), героически защищал эту последнюю цитадель китайской части Шанхая от японских захватчиков.

В ночь с 31 октября на 1 ноября 1937 г. по распоряжению центра защитники склада Сыхан под командованием лейтенанта-полковника Се Цзиньюаня (謝晉元) эвакуировались в Международный селтльмент и фактически попали в плен к администрации Селтльмента вплоть до начала Тихоокеанской войны в 1941 г., когда японцы захватили уже весь Шанхай. Сразу после эвакуации, героев разоружили и разместили в лагере на Singapore Rd. В историографии данный лагерь получил название «лагерь Одинокого батальона (孤軍營)».

Охрана лагеря была поручена наёмному русскому полку Шанхайского волонтерского корпуса (上海萬國商團 = Shanghai Volunteer Corps, далее – ШВК). В течение четырёх лет между Одиноким батальоном и русской охраной лагеря происходило множество конфликтов, среди которых одним из самых серьёзных был инцидент 11 августа 1938 г.: внутри лагеря был поднят государственный флаг Китайской республики, в результате чего русская охрана дубинками и палками избивала невооружённых героев Одинокого батальона, 86 солдат и 8 офицеров были ранены, 3 человека погибли [5, с. 258]. Офицеры Одинокого батальона во главе с Се Цзиньюанем были похищены и перевезены в штаб русского полка ШВК. Данный

инцидент получил широкий общественный резонанс и дошёл до высшей власти. Образ белоэмигрантов-«дикарей», которые не имеют никаких человеческих чувств, после инцидента окончательно закрепился в исторической памяти шанхайцев.

Хотя инцидент 11 августа 1938 г. получил широкий общественный резонанс, но в историографии он изучен недостаточно. На сегодняшний день узнать о деталях инцидента можно благодаря трём источникам. Первый, – это письмо Се Цзиньюаня Муниципалитету Международного селтльмента от 20 августа 1938 г., в котором подробно описан ход событий [7]. Второй, – это рапорт майора ШВК В. Берк-Мерфи (V. Burke-Murphy), ответственного за охрану лагеря, командиру ШВК от 17 августа 1938 г. об инциденте 11 августа [2, р. 75–87]. Третий, – это воспоминания участника событий, белоэмигранта – члена ШВК Е. М. Красноусова [1, с. 230–242].

Отношения между героями Одинокого батальона и русской охранной были достаточно сложными и не всегда однозначными. Согласно словам В. Берк-Мерфи в рапорте, зимой 1937 г. отношения между ними были «самыми сердечными» [2, р. 77], китайские солдаты и белоэмигранты даже играли вместе в волейбол. Однако в китайских источниках такие упоминания отсутствуют, в воспоминаниях же Е. М. Красноусова совместным спортивным играм уделено особое внимание. Согласно его данным, якобы «командир Полка пытался наладить добрые отношения с интернированными, и добился для этого даже разрешения от Штаба Корпуса устраивать иногда для развлечения (и как знак отношений) этих “полу-солдат, полу-бродяг” показательные спортивные состязания с участием полковых спортивных команд» [Там же, с. 232].

Тем не менее ближе к августу 1938 г. «взаимные отношения между чинами караула и ин-

тернированными с каждым днём ухудшались» [1, с. 233] и уже накануне инцидента герои Одинокого батальона и наёмные белоэмигранты ШВК начали друг друга ненавидеть. Такая взаимная вражда хорошо прослеживается по китайским источникам, особенно из писем Се Цзиньюаня, в которых «белые русские» были изображены не в самом лучшем свете, это подтверждает и враждебно-пренебрежительная позиция Е. М. Красноусова к героям Одинокого батальона, представленная на страницах его работы.

20 июля 1938 г. в связи с приближением годовщины начала Шанхайского сражения (13 августа) по распоряжению Се Цзиньюаня внутри лагеря был установлен флагшток. Муниципалитет Международного селтльмента, не желавший конфликтовать с японцами, всячески мешал героям Одинокого батальона поднять на территории лагеря государственный флаг Китайской республики. Начиная с 22 июля, между Муниципалитетом и Одиноким батальоном начались длительные переговоры по поводу поднятия флага. Сами русские охранники лагеря видимо недостаточно хорошо поняли суть конфликта. Е. М. Красноусов в своих воспоминаниях допустил множество фактических ошибок по поводу поднятия флага, и, судя по ныне доступным материалам, белоэмигранты не участвовали в переговорах 22 июля – 11 августа.

В историографии до последнего времени не было единого мнения по поводу того, почему именно 11 августа Одинокий батальон поднял государственный флаг и почему Муниципалитет Международного селтльмента, 8 августа уже договорившись с Се Цзиньюанем по этому вопросу, решил отдать приказ наёмным белоэмигрантам начать избиение невооружённых героев.

8 августа 1938 г. Се Цзиньюань, китайский секретарь Муниципалитета Хэ Дэкуэй (何德奎) и В. Берк-Мерфи добились устного соглашения по поводу поднятия государственного флага. Оказалось, что данное соглашение могло бы замедлить конфликт, однако в действительности все получилось ровно наоборот. Се Цзиньюань и В. Берк-Мерфи поняли эту договорённость по-разному. Согласно версии Се, были установлены три пункта соглашения: 1) урезать флагшток чуть покороче; 2) поднять флаг в дату годовщин; 3) если флаг не поднят, то необходимо убрать флагшток [7, с. 55].

Согласно версии В. Берк-Мерфи, три пункта соглашения были совсем иными: 1) Се должен убрать флагшток после переговоров; 2) разрешается 13 августа установить флаг-

шток и оставить флаг в полупущенном виде; 3) 14 августа флагшток должен быть убран и впредь больше его не устанавливаться [2, р. 81].

Взаимное недопонимание окончательно разожгло конфликт. Се Цзиньюань, согласно своей версии соглашения, решил поднять государственный флаг утром 11 августа, т. к. в этот день 1937 г. началась мобилизация 88-й дивизии, из которой позже появился Одинокий батальон [7, с. 55]. Муниципалитет и ШВК, следуя версии соглашения В. Берк-Мерфи, посчитали действия Се Цзиньюаня нарушением соглашения. Причиной появления разногласий, с большой вероятностью, были сложности перевода. Видимо, во время переговоров Се Цзиньюань и В. Берк-Мерфи совсем не поняли друг друга и каждый создал свою версию соглашения.

Наёмные белоэмигранты стали основной силой для «решения» конфликта со стороны ШВК и Муниципалитета. После неудачной попытки встретиться с Се Цзиньюанем В. Берк-Мерфи в 12:10 привёз 160 офицеров и рядовых белоэмигрантов ШВК в лагерь [2, р. 82]. Согласно его словам, оставив привезённых белоэмигрантов на дороге, он вместе с русским майором Ивановым и переводчиком вошёл в лагерь.

Детальное описание произошедшего в лагере после 12:10 мы можем узнать только со слов В. Берк-Мерфи. По понятной причине в рапорте он писал, что именно герои первыми напали на него и майора Иванова. Переговоры с Се Цзиньюанем внутри лагеря не увенчались успехом и, проходя от штаба Се до комнаты русской охраны, В. Берк-Мерфи якобы видел «некоторых солдат, вооружённых бамбуковыми палками, и некоторых солдат со стеклянными банками» [Там же, р. 83]. В 12:20, когда В. Берк-Мерфи и майор Иванов уже стояли рядом с комнатой русской охраны, согласно рапорту, китайские солдаты якобы начали кидать в них «море стеклянных банок», а также 100 с лишним солдат сконцентрировались рядом с комнатой русской охраны [Там же].

По приказу В. Берк-Мерфи майор Иванов привёл русских наёмников внутрь лагеря. Два взвода русских с полицейскими дубинками вошли в лагерь через главные ворота и, оперативно двигаясь к парадной площади, пытались разогнать китайских солдат по палаткам; два взвода двигались вокруг лагеря для того, чтобы китайские солдаты не могли вырваться из лагеря; остальные взводы держались в резерве [Там же, р. 84]. В конечном итоге конфликт закончился победой русских наёмников, и флагшток был снесён. Ночью 12 августа Се Цзинью-

аня и других офицеров Одинокого батальона насильно вывезли из лагеря в штаб русского полка ШВК.

В. Берк-Мерфи в своём рапорте представил картину, согласно которой на него неожиданно напали китайские солдаты, а дальнейшие действия наёмных русских были лишь ответной реакцией. Однако с большой вероятностью такая версия была придумана. Е. М. Красноусов в воспоминаниях писал, что операция была проведена «по заранее разработанному Командиром Полка плану», хотя он сам также поддерживал версию о том, что китайцы напали первыми. Се Цзиньюань в свою очередь писал, что «у нас нет никаких оружий, сам Мерфи увидел [это] лично», а также «у нас нет никакой подготовки к сопротивлению и конфликту» [7, с. 56].

Сразу после конфликта 11 августа герои Одинокого батальона объявили голодовку. Китайская общественность была шокирована дикостью и зверством белоэмигрантских наёмников. Как верно заметил Е. М. Красноусов, тогдашняя китайская общественность «клемила чинов Полка “убийцами, угнетателями и неблагодарными” и угрожала репрессиями». Крупные китаеязычные газеты, как «Шэньбао (申報)» и «Синьвэньбао (新聞報)», тщательно следили за событиями [1, с. 258–259]. В мелких китаеязычных газетах, таких как «Шанхайбао (上海報)», появлялись более гнусные комментарии по поводу действий белоэмигрантских наёмников в лагере Одинокого батальона и эти статьи порой выходили далеко за рамки журналистской этики. 13 августа 1938 г. на третьей литературной полосе «Шанхайбао» появилась зарисовка под псевдонимом «Шуйшоу (水手, матрос)» с названием «Русская проститутка встала на колени (俄妓屈膝紀)», где автор, выходя за рамки культуры речи, порнографически описал, как он посетил в русском публичном доме жену русского наёмника: «Прочитал газету, узнал, как белые русские совершали насилия. Я возмутился и решил пойти к русским проституткам излить гнев. <...>» [6].

Более культурно, но не менее гнусный комментарий появился на второй политической полосе «Шанхайбао» от 14 августа 1938 г. Автор под псевдонимом «Янь (淹, топить)» в своей статье «Зверство белых русских (白俄的暴行)» выразил мнение о том, что народ никогда не забудет преступления белоэмигрантов, совершённые в Шанхае: «Раньше мне иногда было жалко этих белых русских, бродящих вне своей страны. Время от времени я покупал их носки, мыло и прочие товары, цены которых много раз завышены. Даже когда русские нищие обращались ко мне за помощь, то я всегда относился

к ним по другому, минимум давали им маленькие денюшки <...> Эти бродячие нищие и уличные торговцы – белые русские в большинстве случаев получили опеки, поэтому они вернули свою дерзость и начали сознательно делать зло, а недавно даже избили и убили наших соотечественников. Нам неважно их прошлое, однако их зверство мы четко увидели. Это впечатление, этот позор, мы никогда не забудем» [8].

Китайские общественные объединения Шанхая, в том числе Общество шанхайских адвокатов (上海律師公會) и Общество шанхайской угольной промышленности (上海煤業公會), в течение августа выражали свой протест [5, с. 259]. Весть об избиении белоэмигрантскими наёмниками героев Одинокого батальона распространялась по всему миру, в том числе филиппинское отделение тайного общества Хунмэнь (洪門) телеграфировал Чан Кайши о своём беспокойстве по этому делу [3, р. 1].

Официальные власти Китайской республики также всерьёз отнеслась к данному делу. Сам Чан Кайши был «очень возмущён», узнав об инциденте 11 августа [4, р. 2]. Во всех правительственных протестах, в том числе в официальном протесте МИД Китайской республики посольству Великобритании, именно русский корпус был обозначен главным преступником инцидента. Претензия китайской власти и общественности была направлена именно к наёмным русским в ШВК, а не к муниципалитету Международного сэттльмента, хотя по факту именно Муниципалитет и руководство ШВК дали распоряжение штурмовать лагерь. Е. М. Красноусов в своей работе жирным шрифтом отметил, что русский полк лишь «точно и беспрекословно выполнил Приказ Муниципального Совета» [1, с. 239], однако Муниципальный совет, пытаясь избежать гнева китайской общественности, «скромно молчал, “потупив очи”» [Там же, с. 240] и перекладывал всю ответственность за инцидент 11 августа на белоэмигрантских наёмников. Такое «чёрное пятно» в истории русского полка стало одной из причин начала послевоенного судебного процесса по делу некоторых членов полка.

В целом потребительское отношение муниципалитета Международного сэттльмента к русским наёмникам в ШВК имеет исторические корни. С самого начала создания русского отряда ШВК в 1927 г. муниципалитет рассматривал их именно как наёмников, а не как волонтеров-защитников режима Международного сэттльмента. Хотя сами белоэмигранты всячески подчёркивали, что они «служили»,

выполняли «долг» перед муниципалитетом [1, с. 239–240], но фактически уже в 1941 г. русский полк спокойно перешёл на службу к японским оккупантам, а уже после Второй мировой войны – на полицейскую службу властей Гоминьдана.

Список литературы

1. Красноусов Е. М. Шанхайский русский полк. Сан-Франциско: Глобус, 1984. 373 с.
2. Academia Historica. 020-990600-1690.
3. Academia Historica. 002-090103-00014-255.
4. Academia Historica. 002-060100-00131-013.
5. 汪之成 (Ван Чжичэн). 俄侨在上海 (История русской эмиграции в Шанхае). Шанхай: 三联书店 (Сан-лянь-шу-дянь), 1993. 832 с.
6. 水手 (Матрос). 俄妓屈膝紀 (Русская проститутка встала на колени) // 上海報 (Шанхайбао). 1938. 13 августа.
7. 上海市档案馆 (Шанхайский муниципальный архив). 谢晋元在孤军营期间的函件选辑 (Избранные письма Се Цзиньюаня периода нахождения в лагере Одинокого батальона) // 历史档案 (Исторические документы). 1982. № 4. С. 52–60+84.
8. 淹 (Янь). 白俄的暴行 (Зверство белых русских) // Шанхайбао. 1938. 14 августа.

Сведения об авторе

Сунь Ичжи – лаборант-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, yizhisun961203@gmail.com

Sun Yizhi – Associate-Researcher, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, yizhisun961203@gmail.com

.....

ПЕРЕЧЕНЬ ТРЕБОВАНИЙ И УСЛОВИЙ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Представленные к публикации материалы должны иметь научный характер, обладать новизной. Опубликованные ранее материалы к публикации не принимаются.

Правила оформления статьи:

- формат страницы: А 4 (210×297);
- текст набран в редакторе Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman, кегль 12;
- без переносов;
- межстрочный интервал – одинарный;
- поля (левое, правое, верхнее, нижнее) – 2 см;
- абзацный отступ – 1,25 см (при создании абзацев не пользоваться табуляцией и пробелами), выравнивание текста по ширине;
- ориентация – книжная, без постраничных сносок;
- графики, таблицы, рисунки – черно-белые, без цветной заливки;
- фотографии и рисунки в формате JPEG, с подписями;
- учитывать разницу между знаками «тире» и «дефис»;
- сокращения в тексте статьи оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.12–2011;
- инициалы в статье пишутся перед фамилией (И. И. Иванов), в списке литературы после фамилии (Иванов И. И.);
- ссылки на литературу и внутритекстовые источники, оформляются по ГОСТу 7.0.100–2018. Пример: [3, с. 35–38], [4], [2, с. 41; 6, с. 45–46], [8, л. 12; 9, л. л. 9–11; л. л. 8–8об.]. Список литературы указывается в конце, в алфавитном порядке.

Объём представляемой к публикации статьи или тезисов – до 10 страниц.

Краткая аннотация статьи на русском и английском языках. Аннотация должна содержать краткую характеристику статьи: актуальность, результаты исследовательской работы.

Размер аннотации – 5–7 строк;

Ключевые слова и фразы на русском и английском языках (не менее 5–7).

На первой странице указывается название статьи или тезисов, жирным шрифтом, строчными буквами (на русском языке).

Через пробел по центру фамилия, имя, отчество автора(-ов) (полностью) жирным шрифтом, курсивом.

Без пробела место работы (полностью) обычным шрифтом, курсивом.

Без пробела город, страна обычным шрифтом, курсивом.

Через пробел аннотация с отступом (на русском языке).

Без пробела ключевые слова с отступом (на русском языке).

Через пробел название статьи или тезисов жирным шрифтом, строчными буквами (на английском языке).

Через пробел по центру фамилия, имя, отчество автора(-ов) (полностью) жирным шрифтом, курсивом (на английском языке).

Без пробела место работы (полностью) обычным шрифтом, курсивом (на английском языке).

Без пробела город, страна обычным шрифтом, курсивом (на англ.).

Через пробел аннотация с отступом (на английском языке).

Через пробел ключевые слова с отступом (на английском языке).

Через пробел текст статьи или тезисов с отступом 1,25 см.

После текста статьи или тезисов через пробел жирным шрифтом по центру «Список литературы».

После списка литературы указываются сведения об авторе(-ах) (на русском и английском языках).

Образец оформления статьи

УДК

Спорные аспекты истории Русской Православной Церкви в Забайкалье в 1920-е годы

Иван Иванович Иванов

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия,

12345@mail.ru

Аннотация (на русском языке)...

Ключевые слова (на русском языке): ...

Controversial Aspects of the History of the Russian Orthodox Church in Transbaikalia in the 1920s

Ivan I. Ivanov

Transbaikal State University, Chita, Russia

12345@mail.ru

Аннотация (на английском языке)...

Ключевые слова (Keywords) (на английском языке): ...

Текст статьи...

Источники и литература

Сведения об авторах

Иванов И. И. – кандидат исторических наук, доцент, доцент историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: 12345@mail.ru

Ivanov I. I. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, e-mail: 12345@mail.ru

.....

Образец оформления списка источников и литературы

Источники и литература

1. Архиереи Арзамасского викариатства (1920–1937). Текст: электронный // Благочиние города Арзамаса. URL: <http://arzblag.ortox.ru/blagochinie/istoriya/deyateli-cerkvi/archierei-arzamasskogovikariatstva-1920-1937-g> (дата обращения: 14.01.2021).
2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р6343. Оп. 1. Д. 234.
3. ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 1.
4. Косых В. И. Забайкальская епархия 1908–1923 гг. Чита: Изд-во Забайкал. гос. пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 2007. 204 с.
5. Ланцова Ю. Н. Положение восточных рабочих в Забайкалье в 1920 – начале 1930-х гг. // Регион в приграничном пространстве: материалы межд. науч. конф.: в 2 ч. Чита: ЗабГУ, 2016. Ч. 2. С. 98–101.
6. Саввин Д. В. Епископ Селенгинский Софроний (Старков): архипастырь эпохи великих
7. перемен и потрясений // Вестник церковной истории. 2009. № 1-2. С. 173–202.
8. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 42 с.
9. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона): дис ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2009. 491 с.
10. Rutt R. The Orthodox Church in Korea // *Sobornost*. Summer 1957. № 3. P. 480–490.
11. Zernov N. *The Russian Religious Renaissance of the XX Century*. London: Harper & Row Harper & Row, 1963. 410 p.